

A woman with long brown hair, wearing a dark blue, long-sleeved dress, stands with her back to the camera, looking up at a night sky filled with numerous bright, glowing stars and shooting stars. The scene is framed by trees with autumn-colored leaves (orange and red) on either side. The overall atmosphere is magical and serene.

Василенко Полина

Седьмая версия

18+

Василенко Полина
Седьмая версия

«Автор»

2026

Полина В.

Седьмая версия / В. Полина — «Автор», 2026

Иногда лучшая история жизни начинается с самой тёмной её главы. Главное — оказаться готовой, когда звёзды внезапно свернут с пути...Антонина похоронила мечты вместе с любовью, длившейся сорок лет. Предательство оставило лишь горький пепел воспоминаний и твёрдую уверенность — в её возрасте чудес не бывает. Но однажды звёзды — те самые, что «никогда не отклоняются от своего пути» — совершили головокружительный вираж...

© Полина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16

Василенко Полина

Седьмая версия

Глава 1

1. Разбитое счастье или погоня за мечтой.

Антонина никак не могла дождаться наступления весны. Она старательно вычеркивала в настенном календаре черные числа зимних месяцев, запрещая себе даже думать о плохом. Декабрь, январь, февраль. Казалось, ровно в ноль-ноль часов первого марта жизнь изменится полностью и навсегда: мгновенно расцветут благоухающие сады, растают вечные снега, звонкие птицы споют красивые песни о вселенском счастье и придёт долгожданная любовь. Нет, даже не так: любовь ворвется в её жизнь, закружит, околдует и мгновенно сделает Той Самой, Единственной!

Антонине очень-очень было нужно именно чудо! Вроде бы и глупо в пятьдесят один год мечтать о волшебстве, когда большинство ровесниц, смирившись с предложенной судьбой, довольствовались обычными радостями. Но в последнее время мечта о любви стала единственным, что придавало сил.

И вот наступило первое марта!

Антонина встала за пятнадцать минут до будильника, сходила в душ, вкусно с аппетитом позавтракала и тщательно, словно на праздник, нарядилась. Семь месяцев полного уныния и тоски было решено навсегда оставить в прошлом. Сегодня она сама себе назначила первый день Новой жизни. На душе – весна, в сердце – предчувствие любви!

Надела любимую шубку, хоть и скользкие, но модные сапожки, кокетливый меховой беретик. Глянулась в зеркало – хороша и, наконец-то, готова к любым подвигам. Взяв с трельяжа сумку, Антонина с улыбкой вышла из квартиры.

Весна, ничего не подозревающая о её грандиозных планах, никакого торжественного приёма с красной ковровой дорожкой не подготовила. Напротив, встретила Антонину резким, ледяным, шквалистым ветром и впивающимся в кожу колким снегом. От неожиданности у женщины перехватило дыхание, и потеряв равновесие, она кубарем скатилась с обледенелого, еще не чищенного дворниками крыльца. В руке что-то мерзко хрустнуло. Наступила темнота.

- Тонечка, деточка! Что с тобой? Встать можешь? – Антонину осторожно трясли.

- Могу, наверное, – с трудом прошептала Антонина и разлепила глаза. Над ней склонилась соседка тетя Глаша.

- Где болит? – встревоженно спросила соседка и подняла с крыльца свалившийся при падении берет.

- Везде, – поморщилась Антонина. – Но больше – рука. Просто разрывается на части!

Она попробовала пошевелить левой рукой. Пронзительная боль прожгла ладонь и устремилась к плечу. Непроизвольно брызнули слезы.

- Тихо, тихо, – суежилась тетя Глаша.

Через полчаса приехавшая на вызов «Скорая помощь» забрала замерзшую, измученную болью Антонину и увезла в больницу. Операция, гипс, большая душная палата, капельницы...

Антонина, уставившись в одну точку, глупо таранилась в окно. Мысли в голову лезли только печальные, минорные. Где же она так напортачила? Почему жизнь повернулась сплошными острыми углами и куда ни ступишь – везде клин? Самые яркие, сочные, насыщенные годы остались позади. А что теперь? Ну, какие перспективы? О каких вообще перспективах

может мечтать начинающая увядать дама пресловутого «бальзаковского» возраста. Или она уже переступила и этот рубеж?

Нежно брякнул телефон. Дочка беспокоится: «Мамуль, ты как?»

Как, как? Плохо, отвратительно, тоскливо. Да, и самое печальное – никаких новых планов. Ребенка уже не родить – поздно и не от кого. Карьера умопомрачительная тоже не светит – кто ее, среднестатистического во всех отношениях бухгалтера, возвысит до должности «главбух». Что там еще осталось в списке «обязательных» признаков успешной женщины: знакомство с нужными людьми, шмотки модные брендовые, красивая машинка бизнес-класса, йога-фитнес, ботекс на ухоженном личике и волшебные Мальдивы с подружками каждые два-три месяца? Ничего из перечисленного нет и не предвидится!

«Мамуль, ты как?» Как, как – попой об косяк! Антонина разозлившись на все, громко шмыгнула носом.

«Вот сейчас поднимусь и таких дел наделаю!» Но дух противоречия быстро иссяк.

Антонина, покряхтывая и осторожно придерживая руку в гипсе, встала с дивана и пошла в бывшую детскую комнату. Зеркала огромного шкафа-купе сквозь осевшую на них пыль устало отражали недавнее счастливое прошлое: маленькую Леночку, сосредоточенно строящую домик из деревянных кубиков; весело подмигивающего домочадцам мужа Славика и ее, Антонину, в красивом уютном халатике, держащую расписную тарелку полную маленьких румяных пирожков.

Была маленькая, дружная, любимая семья. Тихие вечерние чаепития, обязательные соседские праздники, долгожданные поездки к морю, азартная осенняя «охота» за грибами по расписному яркому лесу, общие мечты, беспокойство и забота друг о друге.

Почему все разрушилось?

Рука, словно приняв на себя всю боль душевную, тихо заныла. «Антонина-яга, костяная рука».

Некому пожалеть и сказать: «Держись, дурёха, прорвемся!».

Антонина со вздохом отошла от зеркала. Но потом вдруг нахмурилась и заторопилась в ванную. Прихватив здоровой рукой средство для мытья стекол и чистые тряпки, начала тщательно, сосредоточенно протирать зеркала, будто пыталась смыть с них пасторальные картинки прошлой жизни. Ничего, нарисуем новую картину!

Минут через двадцать, сидя на полу напротив чистого зеркала и удовлетворенно любуясь на проделанную работу, Антонина испытывала чувство облегчения. А какая разница с чего начинать перемены? И с чего она вообще решила, что жизнь изменится именно первого марта, а не десятого июня или пятого октября? Она сама себе назначила время счастья и это помогло пережить самый тяжелый период. Можно верить в придуманное чудо, но здравый смысл еще никто не отменял. Особенно, когда тебе пятьдесят один год.

Рука под гипсом яростно зачесалась. Антонина взяла со стола специально припасенную спицу и, засунув ее под гипс, поскребла кожу. Боже, какое блаженство! Просто нечеловеческое счастье!

Антонина весело рассмеялась над своим «неземным блаженством» и еще раз глянула на свежeweымытые зеркала. К удивлению, отражение даже порадовало – вполне себе симпатичная дама, приятной уютной полноты, довольно ухоженная, без резких признаков «осеннего» увядания, с вечно модной прической «каре» на чуть выющихся каштановый волосах, с болотной, манящей зеленью глаз и легкой полуулыбкой.

«Мне кажется, выражением лица я чем-то похожа на Мону Лизу».

Антонина встала чуть полу боком, положила здоровую руку на гипс, растянула губы в тонкой улыбке, приподняла брови и попыталась изобразить картинную героиню. Скинута лет двадцать, выпрямить волосы и перенестись в Италию – один в один Мона Лиза! Хотя нет, она, Тоня, красивее. Ну, лет двадцать назад точно была красивее. Почти Мона Лиза.

Телефонный звонок отвлек Антонину от праздного созерцания.

- Мамуль! – встревоженно протянула дочь Лена. – Ты почему не звонишь, не пишешь? Я полчаса назад послала сообщение!

- Некогда было писать. Мыла зеркала в детской комнате.

- Одной рукой?

- Ага. Знаешь, прекрасно получилось! Смылась вековая грязь.

- Чего сразу вековая, – обиделась дочь. – Я перед Новым годом приезжала и помогала прибраться.

- Ой, это образно выражаясь...

Славик и Тонечка поженились в восемнадцать лет. А дружить начали аж во втором классе. Жили рядом, сидели за партой вместе, проводили время в одной компании, разделяли интересы друг друга, параллельно выросли, менялись и никогда, ни разу не ссорились. «Голубки». Даже похожи друг на друга – вдумчивые, спокойные, почти одного роста, с мелкими чертами лица и зеленоглазые.

Для Славика и Тонечки такое неразлучное существование было совершенно органичным, естественным. В шестнадцать лет дружба плавно, словно робкая речка, перетекла в нежную влюбленность, и одноклассники с некоторым удивлением открыли в себе мужчину и женщину. Веселое время с компанией сменилось на более уединенные свидания. А в восемнадцать лет, после поступления в институты, влюбленные совершенно буднично и просто объявили родителям о своем желании создать семью. Никто их не отговаривал, не пугал трудностями. Для близкого окружения Славик и Тонечка уже давно воспринимались как единое целое, а свадьба стала логичным, очевидным продолжением этапа совместной жизни.

Дочь Леночка появилась далеко не сразу. Вначале молодые заканчивали институты, потом с трудом покупалась уютная квартирка и вот, когда им исполнилось по двадцать пять лет, Тонечке неожиданно выставили ужасающий диагноз – бесплодие. Но снова не случилось никакой ругани со скандалами. Славик насупился, подумал и скупно сказал рыдающей жене: «Фигня! Обязательно родим. Дочку!». Так и получилось. Через шесть лет родилась Леночка. Жизнь закрутилась веселой детской каруселькой: пеленки, игрушки, садик школа, дни рождения, подарки...

Тонечка считала себя абсолютно счастливой женщиной: спокойная, размеренная жизнь, симпатичный, надежный муж Славик, крепкий брак, здоровая активная дочка, уверенность в завтрашнем дне и калейдоскоп обычных радостей. Не было цели делать успешную карьеру или тайком копить деньги. Они же со Славиком – единое целое! Пока муж медленно но верно карабкался по служебной лестнице, Тонечка занималась бытом и уютом. Все в дом, все для семьи, все для обожаемой Леночки.

Но внезапно на втором курсе института любимая доченька выразила твердое желание жить отдельно. Для Тонечки это явилось настоящим потрясением. Как так? Ее маленькая девочка в одночасье решила стать самостоятельной! Почему? Неужели Леночке настолько плохо в их маленькой, дружной семье, что она хочет уйти? Мир рухнул.

- Дура, – ругала Тонечку подруга Зоя. – Она не от вас хочет уйти, а свое пробует создать, другую жизнь стремится увидеть, почувствовать самостоятельность и уверенность.

- Но разве мы со Славиком ей мешаем? – искренне недоумевала Тонечка. – Все что она хочет – получает, мы часто путешествуем, институт оплачиваем... Все для Леночки делаем!

- Ну и радуйся, глупая. Вырастили нормальную девку. Пусть теперь сама пробует и дерзает! А вы для себя поживите

И Славик поддержал решение дочери:

- Правильно, дочь. Не до старости же с нами валандаться. А мы непременно поможем, чем сможем. Поэтому ничего не бойся, иди вперед.

Целый месяц, пока Леночка постепенно перевозила вещи на заранее купленную для нее квартиру, Тонечка придумывала веские причины неисполнимости столь радикального поступка. Но получалось слабо. Однажды Леночка, устав от бесконечных уговоров, подошла к матери и, крепко обняв, тихо, уверенно сказала:

- Mamочка, я очень тебя люблю. Но не надо больше никаких доводов. Я все равно сделаю по-своему. Пожалуйста. Обещаю приезжать каждый свободный день и посвящать его только тебе. Договорились?

И Тонечка покорилаь.

Славик увез Леночку на квартиру, а Тонечка всю ночь просидела в комнате дочери и тихо проплакала, словно прощалась со счастливой жизнью. Треклятый синдром «опустевшего гнезда».

По этой причине Тонечка не захотела пышно отмечать свой юбилей, совсем не было настроения. На работе угостила небольшой коллектив покупными пирогами, с милой, дежурной улыбкой выслушала череду поздравлений и, изображая радость, принимала букеты с коробками конфет.

Дома тоже решили не заморачиваться. Да и гостей почти не приглашали – лишь дочка, родители и верная подруга Зоя. Заказали еду в хорошем ресторане, а грандиозный, именной торт привезла Леночка. Годом больше, годом меньше. Какая теперь разница? Тонечка сидела за столом с самыми близкими людьми. Грустно улыбаясь трогала новые роскошные серебряные серьги с топазами, подаренные утром Славиком, крутила на пальце обручальное кольцо и почему-то кусочками вспоминала свою прежнюю жизнь. Странное ощущение необратимых перемен мешало расслабиться. Неожиданно, ближе к окончанию вечера, Леночке позвонили. Дочка выскочила из-за стола и, мгновенно покрасневшись, пояснила:

- Родители, сейчас придет очень хороший молодой человек. Прошу отнестись к нему максимально положительно! Его зовут Максим.

- Это твой друг? – несколько растерянно спросила Тонечка и уточнила. – Твой близкий друг?

- Дочка, мы примем любого, – сразу успокоил Леночку отец.

Максим, худой, чуть нескладный, несколько скованный очкарик, в классическом костюме-тройка, отрепетировано от тарабанив поздравление, вручил Тонечке роскошный букет. Она внимательно глянула на «хорошего молодого человека» и шепнула Славiku на ухо: «Наш будущий зять».

Вечером, лежа в кровати и прижавшись к родному Славiku, Тонечка слышала за окном грустные вздохи приближающейся осени. Ей было не то чтобы страшно, а скорее тоскливо.

Через полгода отшумела свадьба. Максим оказался адекватным, «правильным» и хорошо воспитанным мужчиной. Занимаясь наукой, смог создать свое инновационное предприятие и зарабатывал вполне приличные деньги. На Леночку смотрел с обожанием, сумел наладить контакт со всей семьей, к теще относится с сыновним уважением, а тестем постоянно советовался и очень ценил его мнение.

И постепенно жизнь наладилась. Тонечка снова ощутила вкус к привычным удовольствиям: походам в театр, приятельским беседам с подругой Зоей, желанию выглядеть привлекательно. Даже на Славика посмотрела по-другому. С возрастом муж приобрел ту самую особую уверенность, основательность, которую женщины обычно ищут в своих избранниках.

В августе, накануне Дня рождения, Тонечка чувствовала себя самой счастливой женщиной. Она продумала праздничное меню, прикупила новое роскошное платье и даже договорилась о первой большой семейной фотосессии. В холодильнике остывал холодец и «пропитывалась» любимая всем семейством «Селедка под шубой», в сотейнике тушилась икра из баклажанов и перцев, а в раковине ждали своей очереди молодые кабачки.

Но в дверь квартиры позвонили.

Тонечка, быстро вытерев руки о кухонное полотенце, поспешила в коридор. Думая, что приехал курьер с продуктами, радостно распахнула дверь, но вместо посыльного увидела симпатичную белокурую женщину в светлом спортивном костюме и ярко-голубом жилете.

- Здравствуйте, – удивленно протянула Антонина, все еще взглядом выискивая курьера.
– Вам кого?

- Антонина? – спросила женщина тихим, приятным голосом.

- Да.

- Тогда я к вам.

Антонина в недоумении приподняла брови и молчала, ожидая дальнейших объяснений.

- Мне очень надо с вами поговорить. Очень надо, – мягко, но с напором продолжила женщина. Ее губы чуть подрагивали.

- О чем поговорить? – Антонине внезапно стало дурно и она сделала шаг назад, в квартиру.

- Скорее, о ком, – женщина смотрела на Антонину в упор, словно гипнотизируя, но не решалась зайти. – О Вячеславе.

Антонина потеряла дар речи. В голове зашумело от нехорошего предчувствия. Она молча кивнула и жестом пригласила войти.

Женщина робко прошла в ярко освещенный зал и присела на краешек дивана, а Антонина мысленно отметила округлившийся живот гостьи.

- На шестом, – будто прочитав мысли, сказала женщина. – Я на шестом месяце.

- Понятно, – Антонина потянула носом. – Мне надо выключить плиту. Подождите.

Антонина быстро вышла на кухню и, выключив плиту, глубоко вздохнула. Надо успокоиться. Пока еще ничего не случилось.

Женщина все так же, не шевелясь, сидела на диване.

- Так что вы говорили? Слушаю, – Антонина села на кресло рядом с диваном. При ярком освещении смогла лучше рассмотреть гостью: лет тридцать пять, ухоженная, красивые руки, густые, светлые, хорошо подстриженные волосы, голубые глаза, чуть вздернутый носик, хорошая одежда.

- Меня зовут Света. Понимаете, – на секунду замялась женщина и быстро выпалила. – Я любовница вашего мужа, Вячеслава, и жду от него ребенка. У нас будет мальчик.

- Беременны от Славика? – Тонечка ошарашенно уставилась на гостью. – От моего Славика? Вы уверены?

- Конечно уверена. – Женщина тряхнула головой и пояснила. – Мы встречаемся уже больше двух лет.

- Двух лет? – эхом переспросила Тонечка.

- Да, мы познакомились на работе, – Света стала быстро-быстро говорить, словно боясь, что ее прервут. – Вначале просто общались, потом начали ходить в кафе на обед, я помогала Вячеславу с отчетами и докладами, а потом...

- А потом Славик мне изменил. – Тонечка, резко прервав монолог гостьи, отрешенно сделала вывод.

- Ну, да. – Света виновато вздохнула и уставилась в пол.

Женщины замолчали. Антонина, пытаясь осознать информацию, напряженно смотрела в окно. «Черт, неужели это происходит на самом деле? Ее Славик, чужая тетка и их будущий ребенок? Абсурд! Не может быть! Они прожили вместе больше сорока лет! Почему сейчас?»

Паза затянулась, но гостья не решалась ее прервать.

Когда наконец Антонина вышла из эмоционального ступора, то резко выпрямилась и произнесла незнакомым, сухим, с надломом голосом:

- Чего ты хочешь? Для чего пришла?

- Хочу, чтобы у моего сына был отец, а у меня муж.

- А я тут мужей не раздаю, – Антонина поморщилась словно от сильной боли. – Мне чужого не надо, но и свое не отдам.

- Но Вячеслав вас давно уже не любит, – тихо, но настойчиво гнула свою линию Света.

- Ага, еще скажи, что он живет со мной из жалости и спим мы с ним в разных комнатах, – горько усмехнулась Антонина. Волна горечи, постепенно поднимаясь, начинала душить. Хотелось закричать и отвесить смачную оплеуху это непрошенной, наглой белобрысой гостье.

Света растерянно похлопала глазами и промолчала.

- Хочу тебя разочаровать: спим мы в одной кровати, едим за одним столом, вместе ездим отдыхать и даже сексом регулярно занимаемся! – начала зло выговаривать Антонина. – А тебя, к сожалению, просто глупо «поимели».

- Вячеслав меня любит, у нас с ним будет мальчик и вы не сможете нам помешать! – опустив глаза в пол, упрямо, как молитву, твердила Света. Ее лицо от напряжения покрылось некрасивыми красными пятнами.

- Господи, как в пошлой пьесе. – Антонину бесила иррациональность происходящего. Она встала и брезгливо повела плечами. – Если бы Славка тебя действительно любил, ты бы тут не сидела и не унижалась!

- Я не унижаюсь, – твердо ответила Света и подняла глаза. – Я говорю правду.

- Ага, как же! – Антонина подошла к окну и начала глубоко вдыхать воздух.

Теперь горечь разлилась по всему телу. Кровь пульсировала в такт загнанному сердцу, мысли путались от ярости. «Что делать дальше? Гнать из дома беременную соперницу? Позвонить мужу-изменнику и устроить истерику? Сразу подать на развод? Сделать вид, что это не моя проблема и жить спокойно дальше, а Света со Славиком пусть сами «разруливают» ситуацию? Сорок лет! Перечеркнуто прекрасных сорок лет! Ради чего?»

- Тонечка, я дома! А почему дверь не заперта?

Громкое приветствие неслышно вошедшего в квартиру мужа, заставило Антонину вздрогнуть и резко отпрянуть от окна.

- Мы здесь, в зале. – потрескавшимся голосом ответила Тонечка.

- Ты простыла? Хрипишь! – продолжил разговаривать из коридора Славик. – Смотри, что я купил тебе на праздничный стол.

Славик быстро вошел в зал, держа в руках большой пакет с крупной рыбой.

- Форель! Свежайшая!

- Спасибо, аппетит пропал. Думаю, надолго, – криво улыбнулась Тонечка. – Твоей беременной подруге «омега три» нужнее.

Славик, который в первые мгновения не заметил замершую на диване Свету, резко обернулся в ее сторону.

- Ты? – с ужасом выдохнул Славик.

- Вот так сюрприз! – язвительно улыбаясь сказала Тонечка, быстро приблизилась к мужу и неожиданно для себя самой, яростно залепила Славике пощечину.

Тонечку затрясло, брызнули острые слезы и перехватило дыхание. От содеянного стало страшно. Теперь уже точно ничего не изменить.

- Тонечка! – вскрикнул Славик и, уронив на пол пакет с рыбой, схватился за щеку.

- Тонечки больше нет! Она умерла! – просипела Тонечка и, продолжаясь трястись, обхватила себя руками. – Предатель!

- Но, Тонечка, давай поговорим! – Славик, обескураженный нападением жены, развел руками. Половина его лица горела от удара.

- Это твоя любовница. – Тонечка брезгливо кивнула в сторону вжавшейся в диван Светы. – Неужели будешь отрицать?

- Да, но... – мямлил Славик.

- Разговаривать не о чем. Ты – предатель!

- Тоня, не руби с плеча! – Славик сделал успокаивающий жест.

- Что хочу то и делаю! – С Тонечкой, всегда такой уютной, миролюбивой и тихой, происходили невиданные перемены. Обида, ярость, гнев, глубочайшее разочарование, отчаянье и страх одновременно накрыли с головой, и больше она не владела собой. – Тому, что ты сделал, нет оправдания!

- Тонечка, но все же, сорок лет нельзя так сразу перечеркнуть. Давай подумаем, исправим. – Славик предпринял еще одну попытку.

- Исправим? Может ты ее сейчас на аборт отправишь? – Тонечка кивнула в сторону Светы. – Или изобретешь машину времени и вернешься в то мгновение, когда решил мне изменить? Ничего больше не хочу слушать!

Тонечка почти кричала, стоя напротив муж и до боли сжав дрожащие от напряжения кулаки.

- Тонечка. Пожалуйста, давай...

Но Тонечка уже не слушала. Она повернулась к побледневшей Свете и с горечью спросила:

- Ну, что, ты этого хотела? Ребенку – отца, а себе – мужа? Радуетесь? Думаешь, станешь счастливой за мой счет?

Света медленно, с опаской поднялась с дивана.

- Пошла вон из моего дома! – Громко, почти по слогам, произнесла Тонечка. – И побыстрее!

Света вопросительно глянула на нахмурившегося, взлохмаченного Славика, но тот даже не посмотрел в ее сторону. Тогда, тяжело вздохнув и перешагнув пакет с рыбой, женщина поспешила выйти из комнаты.

- Дверь за собой захлопни! – крикнула вдогонку Тонечка и обратилась к мужу. – Чего стоишь? Беги за своей новой любовью!

- Пожалуйста, нам надо поговорить. – Славик старался говорить спокойно, ровно, но голос срывался. – Я виноват, знаю.

- Виноват? Ты убил нашу семью, – у Тоси внезапно закончились силы, словно ее обесточили и грубо перекрыли кислород. Навалилась влажная духота, закружилась голова. Она качнулась и поспешила сесть на стул коло окна...

«Точка Пустоты». Прошлое уже не имеет значения, а будущее совершенно неясно. Есть только невесомость, безмолвие настоящего времени и тягучий, липкий страх. Существует лишь одно средство справиться и выжить – глубоко вдохнув оставшийся воздух, сделать шаг вперед. В новое измерение.

Теплый августовский ветер ласково трепал легкий тюль и мягко скользил по комнате. Вечернее, приятное солнце, будто подсматривая, выглядывало из-за соседней многоэтажки. В многочисленных окнах живописно отражались желто-розовые лучи. Лето, отсчитывая свои последние дни, торопилось напитать мир яркими красками.

Очередная человеческая трагедия незаметно растворялась в запахе увядающих цветов. Приближалась осень.

Первые месяцы после расставания с мужем Тоня почти не помнила. Вначале на нервной почве она слегла в больницу с обострением давно забытых болезней. Тогда лечащий врач успокоил испуганную Леночку: «Ну, что вы хотите, ваша мама пережила крупнейший стресс. Тело мы подлечим, а вот душу – это к другим специалистам».

За подбор таких специалистов взяла ответственность лучшая подруга Тони, Зоя. У неё, врача-гинеколога, была обширная сеть знакомств среди медиков. Сразу после выписки из

больницы Тоня начала посещать самым лучшим в городе психотерапевта Семен Семеновича Кравцова. Благодаря интенсивному курсу терапии, лекарствам и поддержке родных, женщина постепенно возвращалась к жизни. Ближе к Новому году упоминание о Славике перестало вызывать у Тони бесконечные слезы, а только тяжелые вздохи и чувство утраты. Как отмечал Семен Семенович: «Видна устойчивая положительная динамика».

Новый год Тоня отметила с Леночкой и Максимом. Но через два дня дети улетели на отдых. Тонечка было затосковала, но позвонила Зоя и пригласила пожить на даче.

- Мы с тобой две «разведенки», – сказала Зоя.

- Ты сама от мужа ушла, а меня предали, – скорее уже по привычке, начала Тося.

- Ой, да какая разница, статус-то один! Короче, – спокойно продолжила Зоя. – Хватай шубу, валенки с шапкой и дуй ко мне. В этом году такие красоты на улице, что «ни в сказке сказать, ни пером описать». Будем проводить природа-терапию.

Загородный дом Зои располагался на самом краю улицы, а за ним начинался сосновый бор. Поскольку больше половины «дачников» проживали в поселке постоянно, то тут имелся небольшой магазинчик, в ночное время светили фонари, дороги чистились регулярно и в лесу любители здорового образа жизни укатали отличную лыжню.

«Разведенки», пользуясь довольно теплой погодой, много гуляли, катались на горках, пару раз сходили в гости к Зоиним знакомым на традиционные «оливье-пельмени», смотрели бесконечные сериалы и каждый день топили баню.

Ночь перед Рождеством выдалась ясной и неожиданно морозной.

Зоя глянула на градусник за окном и констатировала:

- Минус двадцать семь!

- Гулять не пойдем! – откликнулась подруга.

- Ни за что! Будем лузгать семечки и болтать! Как в детстве.

Хороший у них получился разговор, честный и откровенный.

- Помнишь, как я разводилась? – в очередной раз подсыпав себе семечек, говорила Зоя.
– Думала, больше ничего в жизни и не будет.

- Твой муж Виталик был игроманом?

- Еще какой, со стажем. Вот таким стажем! – Зоя широко раздвинула руки. – Я до последнего ничего не знала. Думала, он из-за работы нервничает. А однажды позвонили из банка, а потом еще из одного. Тогда-то и узнала про кредиты. Хорошо, к тому времени близнецы успели вырасти и уехали в другой город на учебу, а часть имущества – две квартиры и эта бабушкина дача на меня оказались записаны. Иначе бы все за долги ушло.

- Ты пробовала его лечить?

- Да я бы с удовольствием, но Виталик сказал, что не болен и может бросить играть в любой момент.

- Но момент так и не наступил.

- Именно.

- Года два еще помучилась и плюнула. – Зоя вздохнула. – После очередного звонка из банка мы потеряли коттедж. Подумала я, поревела и подала на развод. А он еще и свою квартиру проиграл. Теперь скрывается где-то от кредиторов.

- Не боялась остаться одна? Ты же приняла решение.

- До жути боялась. Помнишь, какая я ходила? Руки тряслись, от незнакомых номеров на телефоне шарахалась. Но ничего, выжила. И даже еще лучше стала! – Зоя рассмеялась.

- Я так пока не могу. Очень часто Славика вспоминаю. Понимаешь, сорок лет вместе и вдруг пустота! Большая часть жизни рядом. У меня никогда и никого кроме Славика не было. Будто половину себя потеряла. И я, ведь, ничего не видела, ничего не замечала!

- Так у тебя и цели не было искать в Славике какие-то недостатки, подозревать в чем-то нехорошем. Счастливая семейная жизнь не предполагает коварство и предательство.

- Лучше бы он умер, было бы не так обидно, – прошептала Тонечка и в ужасе от сказанного закрыла рот ладошками.

- Конечно. Может быть, и лучше, – не осудив подругу, с горечью ответила Зоя. – Но он жив-здоров. И, к тому же, вполне счастлив. А тебе надо научиться принимать этот факт и начать дышать. Будет очень сложно. Новое сердце не вырастить, но найти другую любовь еще вполне возможно. Теперь есть только ты. Ленка не в счет, живет своей семьей. Не спеши, привыкай к мысли, что ты теперь полностью самостоятельная единица.

- Единица. – Задумчиво протянула Тонечка. – Как в притяжении – «ноль без палочки». А я и есть та самая палочка.

- Которая может подрисовать к себе любую циферку, – продолжила философскую мысль Зоя. – Я не утверждаю, что будет легко. Но тебе уже не надо растить детей малолетних или платить ипотеку и кредиты, кстати, тоже.

- А что мне надо? Даже Семен Семенович задавал этот вопрос.

- Тебе нужна новая глобальная цель или почти неосуществимая мечта! Такая, чтобы до горизонта и дальше.

- Поясни. – Тонечка даже перестала шелкать семечки и с интересом посмотрела на подругу.

- Когда я развелась, то тоже осталась в одиночестве. Близнецы уехали, родители – за три тысячи километров, из настоящих подруг – только ты. Несколько месяцев по квартире металась, как раненная. Набрала смен в больнице, устроилась в платную клинику — лишь бы не думать о пустоте.

- Ах, да, помню. Я тогда уговаривала тебя остановиться. – Сказала Тонечка. – Ты всегда была занята и страшно измучена работой. Взгляд бешенный, синяки под глазами и минус десять килограммов в талии.

- А мне казалось, что я хорошо держусь, – приснула со смеха Зоя.

- Тебе казалось.

- Но именно в тот период в голову пришла мысль написать научную работу. За годы столько материала накопилось – докторскую работу можно защитить.

- Ты пишешь докторскую диссертацию? – ахнула Тонечка.

- Пока нет, написала статью и отправила в очень престижный медицинский журнал. Мой куратор, профессор Беликов, дал восхитительную характеристику этой научной работе. Теперь жду ответ.

- Надо было сразу в несколько журналов послать! Так вернее!

- Хорошо, – улыбнулась Зоя. – Посмотрю еще варианты.

- А что бы мне такое придумать? Знаешь, сейчас поняла, что никаких особых целей никогда себе и не ставила. Ровно все протекало, плавно, само собой. Правда, жила как «у Христа за пазухой», горя не знала. Мечта. – Тонечка почесала затылок. – А любовь может быть мечтой, той самой целью?

- Теперь ты сама себе хозяйка. Делай что хочешь, – пожала плечами Зоя. – Но на твоём месте я бы повременила с любовью. Отойди от своего прошлого брака и пойми чего хочешь от отношений.

- Не, хочу чтобы как в омут с головой! Хочу страсти безумной и чувств обоюдоострых! У меня же никогда такого не было! – Пылко произнесла Тонечка.

- Вот, дура!

- Ага! Хочу быть душой, но счастливой и влюбленной! – громко рассмеялась Тонечка.

Вот именно тогда, в ночь на Рождество, Тонечка придумала себе новую цель-мечту – дожидаться первого марта и встретить неожиданную, сказочную любовь! Может это было глупо, нереально, но придало ей сил, вытаскило и депрессии.

Гипс сняли в апреле. Первое время Тоня с жалостью взидала на будто усохшую, анемичную руку, но потом решительно взялась за дело и начала ее разрабатывать рекомендованными упражнениями. Но Леночка с Максимом пошли еще дальше, купив специальный тренажер.

Максим для начала провел для Антонины настоящий мастер-класс, а затем еще записал видеоинструкцию, сопроводив словами:

- Мама, если при соблюдении всех правил эксплуатации твоя рука не будет как новенькая в течении месяца, я признаюсь в несостоятельности своих научных регалий!

Антонина зятя любила, уважала и не стала его дискредитировать. Занималась старательно, по расписанию, иногда через боль и неловкость. Результаты начинали радовать.

В один из вечеров Антонина удобно устроилась в кресле, надела тренажер и включила телевизор. Шли городские новости: подготовка к посевной, к ЕГЭ, к ремонту дорог и тепло-трасс. Сплошные подготовки! Затем рассказывали о гастролях московского театра, внедрении новой прогрессивной технологии при операциях на сердце и создании какого-то нового комитета. А в конце шел небольшой сюжет рубрики: «Гордость нашего города». Молоденькая, хорошенькая ведущая вдохновенно рассказывала про предпринимателя Василия Петрова. Предприниматель, меценат, путешественник, патриот и далее по списку.

Антонина заинтересованно посмотрела на экран. Ни ничего себе такой мужик: высокий, курносый, глаза чуть на выкате, стрижка старого образца типа «полубокс», судя по фотографиям одежду предпочитает удобную, спортивную.

А ведущая все продолжала нахваливать Петрова, мол, не смотря на жесткий характер, высоко ценится среди подчиненных, имеет авторитет среди коллег по бизнесу, а готовые проекты его компании являются образцом строительного дела. Но, самое главное, Василий Петров успевает уделять время шестерым наследникам от четырех бывших жен, которые не имеют к нему никаких претензий. Кстати, он в очередной раз разведен!

«Ёлки-палки! И бизнес тащит, и деньги сиротам раздает, и даже жен бывших не обделил! Бывают же мужики!»

Антонина перестала делать упражнения и крепко задумалась: каково это – быть рядом с таким мужчиной? Он же дядька непростой, с «подвыподвертами». Интересно посмотреть на его бывших жен. Поди, одна к одной писанные красавицы.

Сняв тренажер, Тонечка быстро взяла телефон и нашла нужную информацию. В сети оказались фотографии лишь двух жен – первой и последней. Так себе тетеньки. Миловидные, стройные – и не более того.

«По молодости и я была очень даже симпатичной. Хотя, почему это была? Я и сейчас выгляжу куда лучше многих ровесниц!»

Антонина направилась в детскую комнату, встала напротив огромного зеркала и повертелась.

«Хороша. Даже без макияжа хороша, а морщинки на лице совершенно естественны, придают мудрости, благообразности. И я чуть-чуть похожа на Мону Лизу».

Антонина сложила руки и встала полу боком. Некоторое время всматривалась в отражение.

«Да, почти Мона Лиза. В период климакса» – от такой мысли Антонине стало смешно. А потом почему-то вспомнилось, как в садике перед выпускным утренником они с подружками обсуждали мальчиков. Настюха Гольшева убеждала всех, что обязательно выйдет замуж за Ваньку Новикова, а закадычная подружка Оленька была почти по-настоящему влюблена в смешного лопухого Аркашку из соседней группы. Тонечке никто особо не нравился и она, вспомнив мамины слова, важно сказала: «Главное, чтобы мужик был надежный и работающий. А у нас таких нет! Выйду замуж за кого-нибудь другого!»

Славик действительно оказался надежным, работающим, а все равно – брак распался. Нет в этом мире никаких стопроцентных гарантий и одного для всех универсального рецепта счастья.

Антонина загрустила по новой, но быстро взяла себя в руки. Если невозможно встретиться с таким мужчиной, как Василий Петров в реальной жизни, то мечтать-то ей никто не запретит. Ведь цель-мечта должна быть большой, манящей. Пусть ориентиром для новых, серьезных отношений станет светлый образ строительного магната и мецената. Вполне себе приличный ориентир. Постепенно у Тонечки выработалась привычка здороваться с изображением Василия Петрова, когда его в очередной раз показывали по телевизору: «Привет, привет, как дела? Мы обязательно увидимся!» Смешно, конечно, но это помогало жить.

Рука Антонины постепенно разработалась, на работе ей неожиданно прибавили зарплату, а Зоя уговорила на занятия йогой. Острый пик одиночества и тоски был пройден.

Глава 2

Глава 1.

Разбитое счастье или погоня за мечтой.

Антонина никак не могла дождаться наступления весны. Она старательно вычеркивала в настенном календаре черные числа зимних месяцев, запрещая себе даже думать о плохом. Декабрь, январь, февраль. Казалось, ровно в ноль-ноль часов первого марта жизнь изменится полностью и навсегда: мгновенно расцветут благоухающие сады, растают вечные снега, звонкие птицы споют красивые песни о вселенском счастье и придёт долгожданная любовь. Нет, даже не так: любовь ворвется в её жизнь, закружит, околдует и мгновенно сделает Той Самой, Единственной!

Антонине очень-очень было нужно именно чудо! Вроде бы и глупо в пятьдесят один год мечтать о волшебстве, когда большинство ровесниц, смирившись с предложенной судьбой, довольствовались обычными радостями. Но в последнее время мечта о любви стала единственным, что придавало сил.

И вот наступило первое марта!

Антонина встала за пятнадцать минут до будильника, сходила в душ, вкусно с аппетитом позавтракала и тщательно, словно на праздник, нарядилась. Семь месяцев полного уныния и тоски было решено навсегда оставить в прошлом. Сегодня она сама себе назначила первый день Новой жизни. На душе – весна, в сердце – предчувствие любви!

Надела любимую шубку, хоть и скользкие, но модные сапожки, кокетливый меховой беретик. Глянулась в зеркало – хороша и, наконец-то, готова к любым подвигам. Взяв с трельяжа сумку, Антонина с улыбкой вышла из квартиры.

Весна, ничего не подозревающая о её грандиозных планах, никакого торжественного приёма с красной ковровой дорожкой не подготовила. Напротив, встретила Антонину резким, ледяным, шквалистым ветром и впивающимся в кожу колким снегом. От неожиданности у женщины перехватило дыхание, и потеряв равновесие, она кубарем скатилась с обледенелого, еще не чищенного дворниками крыльца. В руке что-то мерзко хрустнуло. Наступила темнота.

- Тонечка, деточка! Что с тобой? Встать можешь? – Антонину осторожно трясли.

- Могу, наверное, – с трудом прошептала Антонина и разлепила глаза. Над ней склонилась соседка тетя Глаша.

- Где болит? – встревоженно спросила соседка и подняла с крыльца свалившийся при падении берет.

- Везде, – поморщилась Антонина. – Но больше – рука. Просто разрывается на части!

Она попробовала пошевелить левой рукой. Пронзительная боль прожгла ладонь и устремилась к плечу. Непроизвольно брызнули слезы.

- Тихо, тихо, – суежилась тетя Глаша.

Через полчаса приехавшая на вызов «Скорая помощь» забрала замерзшую, измученную болью Антонину и увезла в больницу. Операция, гипс, большая душная палата, капельницы...

Антонина, уставившись в одну точку, глупо таращилась в окно. Мысли в голову лезли только печальные, минорные. Где же она так напортачила? Почему жизнь повернулась сплошными острыми углами и куда ни ступишь – везде клин? Самые яркие, сочные, насыщенные годы остались позади. А что теперь? Ну, какие перспективы? О каких вообще перспективах может мечтать начинающая увядать дама пресловутого «бальзаковского» возраста. Или она уже переступила и этот рубеж?

Нежно брякнул телефон. Дочка беспокоится: «Мамуль, ты как?»

Как, как? Плохо, отвратительно, тоскливо. Да, и самое печальное – никаких новых планов. Ребенка уже не родить – поздно и не от кого. Карьера умопомрачительная тоже не светит – кто ее, среднестатистического во всех отношениях бухгалтера, возвысит до должности «главбух». Что там еще осталось в списке «обязательных» признаков успешной женщины: знакомство с нужными людьми, шмотки модные брендовые, красивая машинка бизнес-класса, йога-фитнес, ботекс на ухоженном личике и волшебные Мальдивы с подружками каждые два-три месяца? Ничего из перечисленного нет и не предвидится!

«Мамуль, ты как?» Как, как – попой об косяк! Антонина разозлившись на всё, громко шмыгнула носом.

«Вот сейчас поднимусь и таких дел наделаю!» Но дух противоречия быстро иссяк.

Антонина, побряхтывая и осторожно придерживая руку в гипсе, встала с дивана и пошла в бывшую детскую комнату. Зеркала огромного шкафа-купе сквозь осевшую на них пыль устало отражали недавнее счастливое прошлое: маленькую Леночку, сосредоточенно строящую домик из деревянных кубиков; весело подмигивающего домочадцам мужа Славика и ее, Антонину, в красивом уютном халатике, держащую расписную тарелку полную маленьких румяных пирожков.

Была маленькая, дружная, любимая семья. Тихие вечерние чаепития, обязательные совместные праздники, долгожданные поездки к морю, азартная осенняя «охота» за грибами по расписному яркому лесу, общие мечты, беспокойство и забота друг о друге.

Почему все разрушилось?

Рука, словно приняв на себя всю боль душевную, тихо заныла. «Антонина-яга, костяная рука».

Некому пожалеть и сказать: «Держись, дурёха, прорвемся!».

Антонина со вздохом отошла от зеркала. Но потом вдруг нахмурилась и заторопилась в ванную. Прихватив здоровой рукой средство для мытья стекол и чистые тряпки, начала тщательно, сосредоточенно протирать зеркала, будто пыталась смыть с них пасторальные картинки прошлой жизни. Ничего, рисуем новую картину!

Минут через двадцать, сидя на полу напротив чистого зеркала и удовлетворенно любуясь на проделанную работу, Антонина испытывала чувство облегчения. А какая разница с чего начинать перемены? И с чего она вообще решила, что жизнь изменится именно первого марта, а не десятого июня или пятого октября? Она сама себе назначила время счастья и это помогло пережить самый тяжелый период. Можно верить в придуманное чудо, но здравый смысл еще никто не отменял. Особенно, когда тебе пятьдесят один год.

Рука под гипсом яростно зачесалась. Антонина взяла со стола специально припасенную спицу и, засунув ее под гипс, поскребла кожу. Боже, какое блаженство! Просто нечеловеческое счастье!

Антонина весело рассмеялась над своим «неземным блаженством» и еще раз глянула на свежевывмытые зеркала. К удивлению, отражение даже порадовало – вполне себе симпатичная дама, приятной уютной полноты, довольно ухоженная, без резких признаков «осеннего» увядания, с вечно модной прической «каре» на чуть выющихся каштановый волосах, с болотной, манящей зеленью глаз и легкой полуулыбкой.

«Мне кажется, выражением лица я чем-то похожа на Мону Лизу».

Антонина встала чуть полу боком, положила здоровую руку на гипс, растянула губы в тонкой улыбке, приподняла брови и попыталась изобразить картинную героиню. Скинуть лет двадцать, выпрямить волосы и перенестись в Италию – один в один Мона Лиза! Хотя нет, она, Тоня, красивее. Ну, лет двадцать назад точно была красивее. Почти Мона Лиза.

Телефонный звонок отвлек Антонину от праздного созерцания.

- Мамуль! – встревоженно протянула дочь Лена. – Ты почему не звонишь, не пишешь? Я полчаса назад послала сообщение!

- Некогда было писать. Мыла зеркала в детской комнате.
- Одной рукой?
- Ага. Знаешь, прекрасно получилось! Смывась вековая грязь.
- Чего сразу вековая, – обиделась дочь. – Я перед Новым годом приезжала и помогала прибраться.
- Ой, это образно выражаясь...

Славик и Тонечка поженились в восемнадцать лет. А дружить начали аж во втором классе. Жили рядом, сидели за партой вместе, проводили время в одной компании, разделяли интересы друг друга, параллельно выросли, менялись и никогда, ни разу не ссорились. «Голубки». Даже похожи друг на друга – вдумчивые, спокойные, почти одного роста, с мелкими чертами лица и зеленоглазые.

Для Славика и Тонечки такое неразлучное существование было совершенно органичным, естественным. В шестнадцать лет дружба плавно, словно робкая речка, перетекла в нежную влюбленность, и одноклассники с некоторым удивлением открыли в себе мужчину и женщину. Веселое время с компанией сменилось на более уединенные свидания. А в восемнадцать лет, после поступления в институты, влюбленные совершенно буднично и просто объявили родителям о своем желании создать семью. Никто их не отговаривал, не пугал трудностями. Для близкого окружения Славик и Тонечка уже давно воспринимались как единое целое, а свадьба стала логичным, очевидным продолжением этапа совместной жизни.

Дочь Леночка появилась далеко не сразу. Вначале молодые заканчивали институты, потом с трудом покупалась уютная квартирка и вот, когда им исполнилось по двадцать пять лет, Тонечке неожиданно выставили ужасающий диагноз – бесплодие. Но снова не случилось никакой ругани со скандалами. Славик насупился, подумал и скупно сказал рыдающей жене: «Фигня! Обязательно родим. Дочку!». Так и получилось. Через шесть лет родилась Леночка. Жизнь закрутилась веселой детской каруселькой: пеленки, игрушки, садик школа, дни рождения, подарки...

Тонечка считала себя абсолютно счастливой женщиной: спокойная, размеренная жизнь, симпатичный, надежный муж Славик, крепкий брак, здоровая активная дочка, уверенность в завтрашнем дне и калейдоскоп обычных радостей. Не было цели делать успешную карьеру или тайком копить деньги. Они же со Славиком – единое целое! Пока муж медленно но верно карабкался по служебной лестнице, Тонечка занималась бытом и уютом. Все в дом, все для семьи, все для обожаемой Леночки.

Но внезапно на втором курсе института любимая доченька выразила твердое желание жить отдельно. Для Тонечки это явилось настоящим потрясением. Как так? Ее маленькая девочка в одночасье решила стать самостоятельной! Почему? Неужели Леночке настолько плохо в их маленькой, дружной семье, что она хочет уйти? Мир рухнул.

- Дура, – ругала Тонечку подруга Зоя. – Она не от вас хочет уйти, а свое пробует создать, другую жизнь стремится увидеть, почувствовать самостоятельность и уверенность.

- Но разве мы со Славиком ей мешаем? – искренне недоумевала Тонечка. – Все что она хочет – получает, мы часто путешествуем, институт оплачиваем... Все для Леночки делаем!

- Ну и радуйся, глупая. Вырастили нормальную девку. Пусть теперь сама пробует и дерзает! А вы для себя поживите

И Славик поддержал решение дочери:

- Правильно, дочь. Не до старости же с нами валандаться. А мы непременно поможем, чем сможем. Поэтому ничего не бойся, иди вперед.

Целый месяц, пока Леночка постепенно перевозила вещи на заранее купленную для нее квартиру, Тонечка придумывала веские причины неисполнимости столь радикального

поступка. Но получалось слабо. Однажды Леночка, устав от бесконечных уговоров, подошла к матери и, крепко обняв, тихо, уверенно сказала:

- Мамочка, я очень тебя люблю. Но не надо больше никаких доводов. Я все равно сделаю по-своему. Пожалуйста. Обещаю приезжать каждый свободный день и посвящать его только тебе. Договорились?

И Тонечка покорилась.

Славик увез Леночку на квартиру, а Тонечка всю ночь просидела в комнате дочери и тихо проплакала, словно прощалась со счастливой жизнью. Треклятый синдром «опустевшего гнезда».

По этой причине Тонечка не захотела пышно отмечать свой юбилей, совсем не было настроения. На работе угостила небольшой коллектив покупными пирогами, с милой, дежурной улыбкой выслушала череду поздравлений и, изображая радость, принимала букеты с коробками конфет.

Дома тоже решили не заморачиваться. Да и гостей почти не приглашали – лишь дочка, родители и верная подруга Зоя. Заказали еду в хорошем ресторане, а грандиозный, именной торт привезла Леночка. Годом больше, годом меньше. Какая теперь разница? Тонечка сидела за столом с самыми близкими людьми. Грустно улыбаясь трогала новые роскошные серебряные серьги с топазами, подаренные утром Славиком, крутила на пальце обручальное кольцо и почему-то кусочками вспоминала свою прежнюю жизнь. Странное ощущение необратимых перемен мешало расслабиться. Неожиданно, ближе к окончанию вечера, Леночке позвонили. Дочка выскочила из-за стола и, мгновенно покрасневшись, пояснила:

- Родители, сейчас придет очень хороший молодой человек. Прошу отнестись к нему максимально положительно! Его зовут Максим.

- Это твой друг? – несколько растерянно спросила Тонечка и уточнила. – Твой близкий друг?

- Дочка, мы примем любого, – сразу успокоил Леночку отец.

Максим, худой, чуть нескладный, несколько скованный очкарик, в классическом костюме-тройка, отрепетировано от тарабанив поздравление, вручил Тонечке роскошный букет. Она внимательно глянула на «хорошего молодого человека» и шепнула Славiku на ухо: «Наш будущий зять».

Вечером, лежа в кровати и прижавшись к родному Славiku, Тонечка слышала за окном грустные вздохи приближающейся осени. Ей было не то чтобы страшно, а скорее тоскливо.

Через полгода отшумела свадьба. Максим оказался адекватным, «правильным» и хорошо воспитанным мужчиной. Занимаясь наукой, смог создать свое инновационное предприятие и зарабатывал вполне приличные деньги. На Леночку смотрел с обожанием, сумел наладить контакт со всей семьей, к теще относится с сыновьим уважением, а тестем постоянно советовался и очень ценил его мнение.

И постепенно жизнь наладилась. Тонечка снова ощутила вкус к привычным удовольствиям: походам в театр, приятельским беседам с подругой Зоей, желанию выглядеть привлекательно. Даже на Славика посмотрела по-другому. С возрастом муж приобрёл ту самую особую уверенность, основательность, которую женщины обычно ищут в своих избранниках.

В августе, накануне Дня рождения, Тонечка чувствовала себя самой счастливой женщиной. Она продумала праздничное меню, прикупила новое роскошное платье и даже договорилась о первой большой семейной фотосессии. В холодильнике остывал холодец и «пропитывалась» любимая всем семейством «Селедка под шубой», в сотейнике тушилась икра из баклажанов и перцев, а в раковине ждали своей очереди молодые кабачки.

Но в дверь квартиры позвонили.

Тонечка, быстро вытерев руки о кухонное полотенце, поспешила в коридор. Думая, что приехал курьер с продуктами, радостно распахнула дверь, но вместо посыльного увидела симпатичную белокурую женщину в светлом спортивном костюме и ярко-голубом жилете.

- Здравствуйте, – удивленно протянула Антонина, все еще взглядом выискивая курьера.
– Вам кого?

- Антонина? – спросила женщина тихим, приятным голосом.

- Да.

- Тогда я к вам.

Антонина в недоумении приподняла брови и молчала, ожидая дальнейших объяснений.

- Мне очень надо с вами поговорить. Очень надо, – мягко, но с напором продолжила женщина. Ее губы чуть подрагивали.

- О чем поговорить? – Антонине внезапно стало дурно и она сделала шаг назад, в квартиру.

- Скорее, о ком, – женщина смотрела на Антонину в упор, словно гипнотизируя, но не решалась зайти. – О Вячеславе.

Антонина потеряла дар речи. В голове зашумело от нехорошего предчувствия. Она молча кивнула и жестом пригласила войти.

Женщина робко прошла в ярко освещенный зал и присела на краешек дивана, а Антонина мысленно отметила округлившийся живот гостьи.

- На шестом, – будто прочитав мысли, сказала женщина. – Я на шестом месяце.

- Понятно, – Антонина потянула носом. – Мне надо выключить плиту. Подождите.

Антонина быстро вышла на кухню и, выключив плиту, глубоко вздохнула. Надо успокоиться. Пока еще ничего не случилось.

Женщина все так же, не шевелясь, сидела на диване.

- Так что вы говорили? Слушаю, – Антонина села на кресло рядом с диваном. При ярком освещении смогла лучше рассмотреть гостью: лет тридцать пять, ухоженная, красивые руки, густые, светлые, хорошо подстриженные волосы, голубые глаза, чуть вздернутый носик, хорошая одежда.

- Меня зовут Света. Понимаете, – на секунду замялась женщина и быстро выпалила. – Я любовница вашего мужа, Вячеслава, и жду от него ребенка. У нас будет мальчик.

- Беременны от Славика? – Тонечка ошарашенно уставилась на гостью. – От моего Славика? Вы уверены?

- Конечно уверена. – Женщина тряхнула головой и пояснила. – Мы встречаемся уже больше двух лет.

- Двух лет? – эхом переспросила Тонечка.

- Да, мы познакомились на работе, – Света стала быстро-быстро говорить, словно боясь, что ее прервут. – Вначале просто общались, потом начали ходить в кафе на обед, я помогала Вячеславу с отчетами и докладами, а потом...

- А потом Славик мне изменил. – Тонечка, резко прервав монолог гостьи, отрешенно сделала вывод.

- Ну, да. – Света виновато вздохнула и уставилась в пол.

Женщины замолчали. Антонина, пытаясь осознать информацию, напряженно смотрела в окно. «Черт, неужели это происходит на самом деле? Ее Славик, чужая тетка и их будущий ребенок? Абсурд! Не может быть! Они прожили вместе больше сорока лет! Почему сейчас?»

Паза затянулась, но гостья не решалась ее прервать.

Когда наконец Антонина вышла из эмоционального ступора, то резко выпрямилась и произнесла незнакомым, сухим, с надломом голосом:

- Чего ты хочешь? Для чего пришла?

- Хочу, чтобы у моего сына был отец, а у меня муж.

- А я тут мужей не раздаю, – Антонина поморщилась словно от сильной боли. – Мне чужого не надо, но и свое не отдам.

- Но Вячеслав вас давно уже не любит, – тихо, но настойчиво гнула свою линию Света.

- Ага, еще скажи, что он живет со мной из жалости и спим мы с ним в разных комнатах, – горько усмехнулась Антонина. Волна горечи, постепенно поднимаясь, начинала душить. Хотелось закричать и отвесить смачную оплеуху это непрошенной, наглой белобрысой гостье.

Света растерянно похлопала глазами и промолчала.

- Хочу тебя разочаровать: спим мы в одной кровати, едим за одним столом, вместе ездим отдыхать и даже сексом регулярно занимаемся! – начала зло выговаривать Антонина. – А тебя, к сожалению, просто глупо «поимели».

- Вячеслав меня любит, у нас с ним будет мальчик и вы не сможете нам помешать! – опустив глаза в пол, упрямо, как молитву, твердила Света. Ее лицо от напряжения покрылось некрасивыми красными пятнами.

- Господи, как в пошлой пьесе. – Антонину бесила иррациональность происходящего. Она встала и брезгливо повела плечами. – Если бы Славка тебя действительно любил, ты бы тут не сидела и не унижалась!

- Я не унижаюсь, – твердо ответила Света и подняла глаза. – Я говорю правду.

- Ага, как же! – Антонина подошла к окну и начала глубоко вдыхать воздух.

Теперь горечь разлилась по всему телу. Кровь пульсировала в такт загнанному сердцу, мысли путались от ярости. «Что делать дальше? Гнать из дома беременную соперницу? Позвонить мужу-изменнику и устроить истерику? Сразу подать на развод? Сделать вид, что это не моя проблема и жить спокойно дальше, а Света со Славиком пусть сами «разруливают» ситуацию? Сорок лет! Перечеркнуто прекрасных сорок лет! Ради чего?»

- Тонечка, я дома! А почему дверь не заперта?

Громкое приветствие неслышно вошедшего в квартиру мужа, заставило Антонину вздрогнуть и резко отпрянуть от окна.

- Мы здесь, в зале. – потрескавшимся голосом ответила Тонечка.

- Ты простыла? Хрипишь! – продолжил разговаривать из коридора Славик. – Смотри, что я купил тебе на праздничный стол.

Славик быстро вошел в зал, держа в руках большой пакет с крупной рыбой.

- Форель! Свежайшая!

- Спасибо, аппетит пропал. Думаю, надолго, – криво улыбнулась Тонечка. – Твоей беременной подруге «омега три» нужнее.

Славик, который в первые мгновения не заметил замершую на диване Свету, резко обернулся в ее сторону.

- Ты? – с ужасом выдохнул Славик.

- Вот так сюрприз! – язвительно улыбаясь сказала Тонечка, быстро приблизилась к мужу и неожиданно для себя самой, яростно залепила Славика пощечину.

Тонечку затрясло, брызнули острые слезы и перехватило дыхание. От содеянного стало страшно. Теперь уже точно ничего не изменить.

- Тонечка! – вскрикнул Славик и, уронив на пол пакет с рыбой, схватился за щеку.

- Тонечки больше нет! Она умерла! – просипела Тонечка и, продолжаясь трястись, обхватила себя руками. – Предатель!

- Но, Тонечка, давай поговорим! – Славик, обескураженный нападением жены, развел руками. Половина его лица горела от удара.

- Это твоя любовница. – Тонечка брезгливо кивнула в сторону вжавшейся в диван Светы. – Неужели будешь отрицать?

- Да, но... – мямлил Славик.

- Разговаривать не о чем. Ты – предатель!

- Тоня, не руби с плеча! – Славик сделал успокаивающий жест.

- Что хочу то и делаю! – С Тонечкой, всегда такой уютной, миролюбивой и тихой, происходили невиданные перемены. Обида, ярость, гнев, глубочайшее разочарование, отчаянье и страх одновременно накрыли с головой, и больше она не владела собой. – Тому, что ты сделал, нет оправдания!

- Тонечка, но все же, сорок лет нельзя так сразу перечеркнуть. Давай подумаем, исправим. – Славик предпринял еще одну попытку.

- Исправим? Может ты ее сейчас на аборт отправишь? – Тонечка кивнула в сторону Светы. – Или изобретешь машину времени и вернешься в то мгновение, когда решил мне изменить? Ничего больше не хочу слушать!

Тонечка почти кричала, стоя напротив муж и до боли сжав дрожащие от напряжения кулаки.

- Тонечка. Пожалуйста, давай...

Но Тонечка уже не слушала. Она повернулась к побледневшей Свете и с горечью спросила:

- Ну, что, ты этого хотела? Ребенку – отца, а себе – мужа? Радуетесь? Думаешь, станешь счастливой за мой счет?

Света медленно, с опаской поднялась с дивана.

- Пошла вон из моего дома! – Громко, почти по слогам, произнесла Тонечка. – И побыстрее!

Света вопросительно глянула на нахмурившегося, взлохмаченного Славика, но тот даже не посмотрел в ее сторону. Тогда, тяжело вздохнув и перешагнув пакет с рыбой, женщина поспешила выйти из комнаты.

- Дверь за собой захлопни! – крикнула вдогонку Тонечка и обратилась к мужу. – Чего стоишь? Беги за своей новой любовью!

- Пожалуйста, нам надо поговорить. – Славик старался говорить спокойно, ровно, но голос срывался. – Я виноват, знаю.

- Виноват? Ты убил нашу семью, – у Тоси внезапно закончились силы, словно ее обесточили и грубо перекрыли кислород. Навалилась влажная духота, закружилась голова. Она качнулась и поспешила сесть на стул коло окна...

«Точка Пустоты». Прошлое уже не имеет значения, а будущее совершенно неясно. Есть только невесомость, безмолвие настоящего времени и тягучий, липкий страх. Существует лишь одно средство справиться и выжить – глубоко вдохнув оставшийся воздух, сделать шаг вперед. В новое измерение.

Теплый августовский ветер ласково трепал легкий тюль и мягко скользил по комнате. Вечернее, приятное солнце, будто подсматривая, выглядывало из-за соседней многоэтажки. В многочисленных окнах живописно отражались желто-розовые лучи. Лето, отсчитывая свои последние дни, торопилось напитать мир яркими красками.

Очередная человеческая трагедия незаметно растворялась в запахе увядающих цветов.

Приближалась осень...

Первые месяцы после расставания с мужем Тоня почти не помнила. Вначале на нервной почве она слегла в больницу с обострением давно забытых болезней. Тогда лечащий врач успокоил испуганную Леночку: «Ну, что вы хотите, ваша мама пережила крупнейший стресс. Тело мы подлечим, а вот душу – это к другим специалистам».

За подбор таких специалистов взяла ответственность лучшая подруга Тони, Зоя. У неё, врача-гинеколога, была обширная сеть знакомств среди медиков. Сразу после выписки из

больницы Тоня начала посещать самым лучшим в городе психотерапевта Семен Семеновича Кравцова. Благодаря интенсивному курсу терапии, лекарствам и поддержке родных, женщина постепенно возвращалась к жизни. Ближе к Новому году упоминание о Славике перестало вызывать у Тони бесконечные слёзы, а только тяжелые вздохи и чувство утраты. Как отмечал Семен Семенович: «Видна устойчивая положительная динамика».

Новый год Тоня отметила с Леночкой и Максимом. Но через два дня дети улетели на отдых. Тонечка было затосковала, но позвонила Зоя и пригласила пожить на даче.

- Мы с тобой две «разведенки», – сказала Зоя.

- Ты сама от мужа ушла, а меня предали, – скорее уже по привычке, начала Тося.

- Ой, да какая разница, статус-то один! Короче, – спокойно продолжила Зоя. – Хватай шубу, валенки с шапкой и дуй ко мне. В этом году такие красоты на улице, что «ни в сказке сказать, ни пером описать». Будем проводить природа-терапию.

Загородный дом Зои располагался на самом краю улицы, а за ним начинался сосновый бор. Поскольку больше половины «дачников» проживали в поселке постоянно, то тут имелся небольшой магазинчик, в ночное время светили фонари, дороги чистились регулярно и в лесу любители здорового образа жизни укатали отличную лыжню.

«Разведенки», пользуясь довольно теплой погодой, много гуляли, катались на горках, пару раз сходили в гости к Зоиним знакомым на традиционные «оливье-пельмени», смотрели бесконечные сериалы и каждый день топили баню.

Ночь перед Рождеством выдалась ясной и неожиданно морозной.

Зоя глянула на градусник за окном и констатировала:

- Минус двадцать семь!

- Гулять не пойдем! – откликнулась подруга.

- Ни за что! Будем лузгать семечки и болтать! Как в детстве.

Хороший у них получился разговор, честный и откровенный.

- Помнишь, как я разводилась? – в очередной раз подсыпав себе семечек, говорила Зоя.
– Думала, больше ничего в жизни и не будет.

- Твой муж Виталик был игроманом?

- Еще какой, со стажем. Вот таким стажем! – Зоя широко раздвинула руки. – Я до последнего ничего не знала. Думала, он из-за работы нервничает. А однажды позвонили из банка, а потом еще из одного. Тогда-то и узнала про кредиты. Хорошо, к тому времени близнецы успели вырасти и уехали в другой город на учебу, а часть имущества – две квартиры и эта бабушкина дача на меня оказались записаны. Иначе бы все за долги ушло.

- Ты пробовала его лечить?

- Да я бы с удовольствием, но Виталик сказал, что не болен и может бросить играть в любой момент.

- Но момент так и не наступил.

- Именно.

- Года два еще помучилась и плюнула. – Зоя вздохнула. – После очередного звонка из банка мы потеряли коттедж. Подумала я, поревела и подала на развод. А он еще и свою квартиру проиграл. Теперь скрывается где-то от кредиторов.

- Не боялась остаться одна? Ты же приняла решение.

- До жути боялась. Помнишь, какая я ходила? Руки тряслись, от незнакомых номеров на телефоне шарахалась. Но ничего, выжила. И даже еще лучше стала! – Зоя рассмеялась.

- Я так пока не могу. Очень часто Славика вспоминаю. Понимаешь, сорок лет вместе и вдруг пустота! Большая часть жизни рядом. У меня никогда и никого кроме Славика не было. Будто половину себя потеряла. И я, ведь, ничего не видела, ничего не замечала!

- Так у тебя и цели не было искать в Славике какие-то недостатки, подозревать в чем-то нехорошем. Счастливая семейная жизнь не предполагает коварство и предательство.

- Лучше бы он умер, было бы не так обидно, – прошептала Тонечка и в ужасе от сказанного закрыла рот ладошками.

- Конечно. Может быть, и лучше, – не осудив подругу, с горечью ответила Зоя. – Но он жив-здоров. И, к тому же, вполне счастлив. А тебе надо научиться принимать этот факт и начать дышать. Будет очень сложно. Новое сердце не вырастить, но найти другую любовь еще вполне возможно. Теперь есть только ты. Ленка не в счет, живет своей семьей. Не спеши, привыкай к мысли, что ты теперь полностью самостоятельная единица.

- Единица. – Задумчиво протянула Тонечка. – Как в притче – «ноль без палочки». А я и есть та самая палочка.

- Которая может подрисовать к себе любую циферку, – продолжила философскую мысль Зоя. – Я не утверждаю, что будет легко. Но тебе уже не надо растить детей малолетних или платить ипотеку и кредиты, кстати, тоже.

- А что мне надо? Даже Семен Семенович задавал этот вопрос.

- Тебе нужна новая глобальная цель или почти неосуществимая мечта! Такая, чтобы до горизонта и дальше.

- Поясни. – Тонечка даже перестала шелкать семечки и с интересом посмотрела на подругу.

- Когда я развелась, то тоже осталась в одиночестве. Близнецы уехали, родители – за три тысячи километров, из настоящих подруг – только ты. Несколько месяцев по квартире металась, как раненная. Набрала смен в больнице, устроилась в платную клинику — лишь бы не думать о пустоте.

- Ах, да, помню. Я тогда уговаривала тебя остановиться. – Сказала Тонечка. – Ты всегда была занята и страшно измучена работой. Взгляд бешенный, синяки под глазами и минус десять килограммов в талии.

- А мне казалось, что я хорошо держусь, – приснула со смеха Зоя.

- Тебе казалось.

- Но именно в тот период в голову пришла мысль написать научную работу. За годы столько материала накопилось – докторскую работу можно защитить.

- Ты пишешь докторскую диссертацию? – ахнула Тонечка.

- Пока нет, написала статью и отправила в очень престижный медицинский журнал. Мой куратор, профессор Беликов, дал восхитительную характеристику этой научной работе. Теперь жду ответ.

- Надо было сразу в несколько журналов послать! Так вернее!

- Хорошо, – улыбнулась Зоя. – Посмотрю еще варианты.

- А что бы мне такое придумать? Знаешь, сейчас поняла, что никаких особых целей никогда себе и не ставила. Ровно все протекало, плавно, само собой. Правда, жила как «у Христа за пазухой», горя не знала. Мечта. – Тонечка почесала затылок. – А любовь может быть мечтой, той самой целью?

- Теперь ты сама себе хозяйка. Делай что хочешь, – пожала плечами Зоя. – Но на твоём месте я бы повременила с любовью. Отойди от своего прошлого брака и пойми чего хочешь от отношений.

- Не, хочу чтобы как в омут с головой! Хочу страсти безумной и чувств обоюдоострых! У меня же никогда такого не было! – Пылко произнесла Тонечка.

- Вот, дура!

- Ага! Хочу быть душой, но счастливой и влюбленной! – громко рассмеялась Тонечка.

Вот именно тогда, в ночь на Рождество, Тонечка придумала себе новую цель-мечту – дожидаться первого марта и встретить неожиданную, сказочную любовь! Может это было глупо, нереально, но придало ей сил, вытаскило и депрессии.

Гипс сняли в апреле. Первое время Нюся с жалостью взирала на будто усохшую, анемичную руку, но потом решительно взялась за дело и начала ее разрабатывать рекомендованными упражнениями. Но Леночка с Максимом пошли еще дальше, купив специальный тренажер.

Максим для начала провел для Антонины настоящий мастер-класс, а затем еще записал видеоинструкцию, сопроводив словами:

- Мама, если при соблюдении всех правил эксплуатации твоя рука не будет как новенькая в течении месяца, я признаюсь в несостоятельности своих научных регалий!

Антонина зятя любила, уважала и не стала его дискредитировать. Занималась старательно, по расписанию, иногда через боль и неловкость. Результаты начинали радовать.

В один из вечеров Антонина удобно устроилась в кресле, надела тренажер и включила телевизор. Шли городские новости: подготовка к посевной, к ЕГЭ, к ремонту дорог и теплотрасс. Сплошные подготовки! Затем рассказывали о гастролях московского театра, внедрении новой прогрессивной технологии при операциях на сердце и создании какого-то нового комитета. А в конце шел небольшой сюжет рубрики: «Гордость нашего города». Молоденькая, хорошенькая ведущая вдохновенно рассказывала про предпринимателя Василия Петрова. Предприниматель, меценат, путешественник, патриот и далее по списку.

Антонина заинтересованно посмотрела на экран. Ни ничего себе такой мужик: высокий, курносый, глаза чуть на выкате, стрижка старого образца типа «полубокс», судя по фотографиям одежду предпочитает удобную, спортивную.

А ведущая все продолжала нахваливать Петрова, мол, не смотря на жесткий характер, высоко ценится среди подчиненных, имеет авторитет среди коллег по бизнесу, а готовые проекты его компании являются образцом строительного дела. Но, самое главное, Василий Петров успевает уделять время шестерым наследникам от четырех бывших жен, которые не имеют к нему никаких претензий. Кстати, он в очередной раз разведен!

«Ёлки-палки! И бизнес тащит, и деньги сиротам раздает, и даже жен бывших не обделил! Бывают же мужики!»

Антонина перестала делать упражнения и крепко задумалась: каково это – быть рядом с таким мужчиной? Он же дядька непростой, с «подвыподвертами». Интересно посмотреть на его бывших жен. Поди, одна к одной писанные красавицы.

Сняв тренажер, Тонечка быстро взяла телефон и нашла нужную информацию. В сети оказались фотографии лишь двух жен – первой и последней. Так себе тетеньки. Миловидные, стройные – и не более того.

«По молодости и я была очень даже симпатичной. Хотя, почему это была? Я и сейчас выгляжу куда лучше многих ровесниц!»

Антонина направилась в детскую комнату, встала напротив огромного зеркала и повертелась.

«Хороша. Даже без макияжа хороша, а морщинки на лице совершенно естественны, придают мудрости, благообразности. И я чуть-чуть похожа на Мону Лизу».

Антонина сложила руки и встала полу боком. Некоторое время всматривалась в отражение.

«Да, почти Мона Лиза. В период климакса» – от такой мысли Антонине стало смешно. А потом почему-то вспомнилось, как в садике перед выпускным утренником они с подружками обсуждали мальчиков. Настюха Гольшева убеждала всех, что обязательно выйдет замуж за Ваньку Новикова, а закадычная подружка Оленька была почти по-настоящему влюблена в смешного лопухого Аркашку из соседней группы. Тонечке никто особо не нравился и она, вспомнив мамины слова, важно сказала: «Главное, чтобы мужик был надежный и работающий. А у нас таких нет! Выйду замуж за кого-нибудь другого!»

Славик действительно оказался надежным, работающим, а все равно – брак распался. Нет в этом мире никаких стопроцентных гарантий и одного для всех универсального рецепта счастья.

Антонина загрустила по новой, но быстро взяла себя в руки. Если невозможно встретиться с таким мужчиной, как Василий Петров в реальной жизни, то мечтать-то ей никто не запретит. Ведь цель-мечта должна быть большой, манящей. Пусть ориентиром для новых, серьезных отношений станет светлый образ строительного магната и мецената. Вполне себе приличный ориентир. Постепенно у Тонечки выработалась привычка здороваться с изображением Василия Петрова, когда его в очередной раз показывали по телевизору: «Привет, привет, как дела? Мы обязательно увидимся!» Смешно, конечно, но это помогало жить.

Рука Антонины постепенно разработалась, на работе ей неожиданно прибавили зарплату, а Зоя уговорила на занятия йогой. Острый пик одиночества и тоски был пройден.

Мысли, суета, дела или вынужденный больничный.

Он смотрел на яростное, слепящее пламя хищного огня и не мог двинуться с места.

Горело всё, что с таким трудом создавалось: крупные торговые и бизнес-центры, заводы по производству строительных материалов, уникальный конструкторский центр и даже созданный дочерней компанией инновационный коттеджный посёлок! Жгучая лавина стремительно набрасывалась на строения, мгновенно испепеляя их и превращая в жалкий, дымящийся хлам!

Оставалось непонятным только одно — как вышеуказанные объекты вдруг оказались собраны на одной территории? Между некоторыми расстояние было более трех тысяч километров. Но какая теперь разница? Всё пошло прахом...

Василий резко открыл глаза и уставился в белый, слабо освещённый лишь светом уличных фонарей, потолок своей спальни.

Сердце нехорошо, невпопад билось в груди и тяжесть давила на тело.

Холодный порыв ночного ветра резко бросился в окно и, залетев через приоткрытое окно, охладил голову.

Василий с облегчением выдохнул. Приснится же такое! «Все пошло прахом».

Посмотрел время на телефоне. Полчетвертого утра. Вставать еще слишком рано, а вероятность заснуть по новой практически равна нулю.

Василий медленно сполз с кровати и, не найдя на ощупь тапки, пошлепал босиком. Сегодня у него ночевали четверо из шести отпрысков. Дети от разных браков к его радости быстро подружились и любили встречаться у отца. Благо разница между детьми была невелика – не больше двух-трех лет. В доме повсюду валялись игрушки, вещи, пазлы, обертки от конфет и ему это отчаянно нравилось!

Заглянул в детские комнаты. Спят, сопят. Уютно!

Запахнув поглубже красивый, почти боярский халат, Василий спустился в огромную кухню. Сквозь не задернутые окна глянул наружу и удивился, что уже так рано светает.

В последнее время он часто мучился беспокойным сном. Идти к врачу означало признать проблемы со здоровьем, а постоянно использовать спиртное вместо снотворного могло привести к алкогольной зависимости. Да и некому особо рассказать о проблеме – домработница с водителем в число близких людей не входили, впрочем, как и бывшие жены. Ну не секретаршей же откровенничать, ей богу. А давнишняя полюбовница Ленка знала и предпочитала только одно универсальное лекарство – секс. Только Василий уже давно разуверился во всеисильности этого метода. Вот и маялся

От нечего делать попил воды и прилег в гостиной на огромном, рассчитанном на большую семью, мягком угловом диване. Включив на минимальную громкость телевизор, подумал

и перенес себе под бок старого французского бульдога Гильку или, по документам, Гильберта. Пес сильно уставал от общения с неумными детьми, таскавшими его повсюду, и при любой возможности сразу убежал к себе на огромную плюшевую лежанку-подиум в зале у камина.

Гилька лениво чуть приоткрыл один глаз, лизнул руку хозяина и тут же дальше громко захрапел.

- Мне б такой крепкий сон, – печально вздохнул Василий.

Четыре утра. По телевизору заканчивался очередной сериал. Солнце, медленно ошупывающая небосвод нежными белесыми лучами, тихо кралось по черному горизонту. Василий погрузился в тревожную дремоту.

Утро заявило о себе громко и молниеносно. Бесконечный топот ног домочадцев, недовольные восклицания домработницы, зычный командирский голос водителя Степаныча, пытающегося погрузить еще несобравших детей в машину и развести по школам. Только пес Гилька, выпучив от страха глаза и вжавшись в угол дивана, молчал – лишь бы его не заметили в этой суматохе!

Наконец водителю с помощью Василия удалось посадить детей в машину. Домработница, недовольно ворча под нос, начала убирать со стола остатки завтрака. Гилька осторожно выполз из укрытия и поплелся на кухню к своей миске с едой, но там ее не оказалось. Пес негромко гавкнул и сердито хрюкнул.

- Сейчас, сейчас, – поспешил Василий. – Сам видишь, не до тебя было. Пока детям наставления дал, помог одеться, рюкзаки нацепить, попрощался-поцеловался. Подожди, старичок, накормлю.

Василий положил собаке корм и ласково потрепал за ушами.

- Надо бы тебя пенсионера к ветеринарам свозить, проверить по всем показателям.

- Вы бы о себе позаботились, Василий Андреевич, – неожиданно сказала домработница Светлана, высокая, сухопарая, с короткой стильной стрижкой и обычно немногословная. – Смотрю, сегодня снова под телевизор засыпали. Плохо это. Сон – основа здоровья.

- Знаю, знаю, – легкомысленно отмахнулся Василий. – Вот проведу важные переговоры, изучу отчет по перспективным сделкам и съезжу на медосмотр.

- Ага, как же! – не веря ни слову, хмыкнула Светлана.

- Почти обещаю. – устало улыбнулся Василий. – Понимаю, надо. Но неохота!

Василий вздохнул, застегнул пиджак и, еще раз напоследок погладив Гильку, нехотя направился к выходу.

Шел второй час заседания. Отчеты, цифры, сводки. Василию самому порядком надоели статистики-характеристики, но порядок формирования финансового плана требовал четкости. Докладчики подобрались толковые, излагали ясно, по делу, без всякой «воды». Василий довольно кивал головой и иногда вставлял меткие реплики. Через час сорок минут рапорты закончились. Сотрудники облегченно выдохнули – сегодня прошло легко, без эксцессов. Нрав у шефа был довольно суровым и если что-то срывалось, получалось не по плану, то вначале на исправление «косяка» давалось пара дней, а затем следовало наказание.

Василий скупно поблагодарил сотрудников и выпроводил всех из кабинета. Приоткрыв дверь на огромную террасу, глубоко вдохнул воздух и вдруг схватился за грудь. Сердце пустилось в стремительный галоп. Быстро, больно, остро. Моментально прошиб липкий холодный пот. Василий, не понимая что происходит, быстро добрался до стола и, сев за стол, попытался выпить воды из стакана, но руки дрожали. Сделал несколько глубоких вдохов и смог чуть успокоиться. Пара глотков воды. Вроде полегчало. Еще пара глотков воды. Сердце, вроде бы остановившее стремительный бег, снова включило «пятую» скорость. Стало трудно дышать и охватил панический страх. Василий из последних сил нажал кнопку вызова секретарши...

За Василием Андреевичем быстро приехала «Скорая помощь». Было диагностировано предынфарктное состояние и врач предложила отвезти мужчину в платную клинику, но он отказался:

- Не надо платных, там одного пациента в час принимают и понтов больше, чем помощи. Везите в нормальную больницу. У меня как раз крупный заказ по медицинскому учреждению намечается, вот и посмотрю «в живую», что надо учесть.

- Василий Андреевич, – со слезами в голосе обратилась к начальнику секретарша Леночка. – Надо о здоровье думать, а не о делах!

- Одно другому не мешает, – не согласился Василий Андреевич и, охнув, снова схватился за сердце.

Огромное приемное отделение городской больницы изнывало от очередной волны экстренных пациентов. Врачи, медсестры, санитарочки передвигались из одной импровизированной палаты в другую. Капитальный ремонт обещали уже лет десять, но пока сил и средств хватило только на ограждение одной кровати от другой длинной шторой-ширмой, в народе прозванной «задергушкой».

- Василий Андреевич, понимаете, – молодая, уставшая, но очень симпатичная докторица приемного отделения кардиологического стационара, тряся листками с выпиской, в который раз пыталась достучаться до непослушного пациента. – Приступ мы сняли, но по анализам видно, что необходимо полное обследование и посещение профильных специалистов!

- Да, понимаю я, понимаю, – не очень убедительно отвечал Василий, лежа на казенной кушетке и увешанный датчиками монитора. – Вот еще одна сделка, потом слетаю на переговоры сразу к вам, честное слово.

- Детский сад! – молодая докторица укоризненно покачала головой и искренне огорчилась. – Вы прямо, извините, балбес какой-то!

- Как? Балбес? – нисколько не обиделся Василий. Приступ действительно сняли, сердце совершенно успокоилось, ритм выровнялся и теперь в теле ощущалась только слабость, пустота и легкость.

- Именно. Вот у вас дети есть?

- Есть, шестеро! – гордо ответил Василий.

- После следующего приступа у них больше не будет папы! Сейчас мы успели, сердце в порядок под капельницами семь часов лечили, а в следующий раз можем и не успеть!

То ли пережитый стресс, то ли искренняя интонация докторши так подействовали, но Василий слишком ярко представил картину: стоял любимые деточки над свежевскопанной могилкой и горько плачут. Тьфу, ты!

- Понятно, – пристыженно буркнул Василий. – Говорите, что делать.

- Для начала настаиваю на полноценном отдыхе! – облегченно выдохнула докторица, расслабилась и разом стала еще симпатичнее. – А затем...

- Подождите, я сейчас все равно ничего не запомню. – Василий нашел нужный номер в телефоне. – Елена Владимировна, зайдите.

Через несколько мгновений за ширму заглянула испуганная секретарша. Василий нетерпеливо махнул рукой:

- Заходите и внимательно слушайте, что скажет доктор!

- А можно я на диктофон запишу? – робко спросила секретарша.

- Можно и на диктофон, – грустно улыбнулась докторица и продолжила...

Василий лежал в гостиной на любимом диване-полигоне, в пол уха слушал бубнящий телевизор, сладкое похрапывание Гильки, недовольные возгласы очередной нянечки, пытаю-

щейся загнать в дом двух не по погоде одетых младших отпрысков, строгие выговоры Светланы и, что уж было совсем невероятно, ощущал себя совершенно счастливым. Врач наказала в течении нескольких дней соблюдать строжайший постельный режим. А врач, такая умничка и хорошенькая, плохого не посоветует.

Водитель Степаныч, буквально силой втащивший в дом близнецов-сорванцов Сашку и Серегу, обратился к Василию:

- Ваши наследники совершенно отбились от рук.

- Вижу, – притворно вздохнул Василий и взмахом руки подозвал детей. – Снимите обувь и подойдите. Снимите, а не покидайте в разные стороны!

Разгоряченные Сашка и Серега, наспех, как попало поставили ботинки и, громко смеясь, с разбег плюхнулись на диван рядом с отцом.

Пес Гилька моментально проснулся, испуганно подскочил и от неожиданности даже гавкнул, но, увидев причину своего беспокойства, снова свалился на бок и тут же захрапел.

- Чё? – хором спросили сорванцы и прыснули со смеху.

- Чё, чё? Через плечо! – хмыкнул Василий Андреевич. – Слушайте меня внимательно! Внимательно, я сказал! Ближайшие пару дней у меня строжайший постельный режим по причине неожиданной серьезной болезни. Поэтому ведите себя хорошо, спокойно. Иначе отправлю обратно к маме прямо сейчас.

- Прямо спокойно-спокойно себя вести и без вариантов? – озадачено спросил Серега.

- Прямо, без вариантов.

- Правда отправишь к маме? – подхватил Сашка.

- Ага.

- Ладно, – близнецы переглянулись и синхронно вздохнули.

- Вот и хорошо, – Василий старался не выдать себя улыбкой. – Даю полчаса на безделье и разумное веселье, а потом за уроки!

Дети радостно слетели с дивана и с криками бросились на второй этаж.

- Вы так стойко держались, – рассмеялся Степаныч, когда близнецы скрылись в комнате.

- Раздолбай. Все в меня. – С любовью в голосе произнес Василий, но, видя скептическое лицо водителя, добавил. – Я в детстве такой же был. Ну честное слово! Или, думаешь, я сразу в офисном костюме родился и в уме семизначные числа множил?

- А умеете числа множить?

- На калькуляторе. Но быстро...

Утро следующего дня началось идеально: послушные дети степенно позавтракали, почти без криков собрались в школу, домработница Светлана испекла вкуснейший пирог с яблоками и смородиной, с работы прислали сообщение об успешном заключении сделки, а самое главное, сердце больше совершенно не беспокоило. Но, на всякий случай, Василий решил хотя бы с месяц попить таблетки выписанные хорошенькой докторицей.

После завтрака и отъезда близнецов в школу, в доме воцарилась непривычная тишина. Впрочем, такая тишина воцарялась всегда, но Василий обычно это время проводил на работе. Уезжал на целый день, приезжал на ночь и снова уезжал. Так в течении многих лет. У него непрерывным потоком решалось и создавалось множество важнейших, неотложных дел. А тут случилась вынужденная пауза, пустота.

Полежав еще с полчаса на диване, Василий Андреевич заскучал.

«А чем занимаются люди в свободное время?»

Василий озадачился, мягко отодвинул привалившегося во сне храпящего Гильку и пошел в кабинет. Осмотрелся по сторонам – здесь совершенно нет ничего, чем хотелось бы заняться. Послonyaлся по дому – результат такой же. На кухне увидел книжку, взяв в руки и прочитав аннотацию, понял, перед ним «женский» детектив. А, собственно говоря, когда в послед-

ний раз он читал художественную литературу? Лет двадцать назад. Почему бы и нет? Зевнул, открыл нехотя первую страницу и неожиданно увлекся. За таким вот «легкомысленным» занятием Василия Андреевича застала домработница Светлана. Она крайне удивилась, но благо-разумно промолчала, лишь интеллигентно тихо кашлянув.

- А занятное чтиво! – совершенно не смутившись, сказал Василий. – Читаю как сказку и отдыхаю. Вроде и убийства всякие происходят, и маньяк агрессивует, а общий контекст очень даже оптимистичный.

Светлана лишь сдержанно пожала плечами и поспешила на кухню разогревать обед.

К четверем дня Василий одолел легкомысленный детектив и, что уж было совершенно неординарно, ненадолго провалился в сладкий сон.

Телефонный звонок, прозвучавший робко и сдержанно, оказался очень некстати.

- Да, – сипло ответил Василий, не открывая глаз.

- Василий Андреевич, – тихим, извиняющимся голосом сказала секретарша Леночка. – Я знаю, что не должна вас беспокоить.

- Но побеспокоила, – тяжело вздохнул Василий, с трудом вырываясь из дремотной неги.

- Я бы не за что не осмелилась, но уже пятый раз звонят из вашего родного города.

- Да? – удивился Василий. – Случилось чего?

- Ничего плохого не случилось, – поспешила заверить Леночка. – Речь идет о строительстве нового городского центра отдыха и развлечений. Как я поняла, довольно большой и перспективный заказ с различными пролонгированными возможностями.

- Интересно, – Василий мгновенно забыл про сон. – Скинь мне контакты.

- Хорошо, – быстро ответила Леночка и осторожно поинтересовалась. – Я правильно сделала, что позвонила? Вы же продолжите лечение?

- Елена Владимировна, не беспокойтесь, таблетки буду пить строго по схеме. Еще дня на два меня ни для кого нет! Высылайте лишь самую срочную информацию.

Набрав номер, Василий услышал нежный, чуть шелестящий голосок:

- Начальник департамента строительства Федорчук Катерина Сергеевна. Слушаю вас.

Василий, несколько удивившись несоответствию голоса и должности, быстро представился. Разговор получился ёмкий и четкий. Действительно, вырисовывался крайне привлекательный, перспективный проект. В голове тут же закрутились идеи. Василий не заметил как вскочил и, разговаривая, в задумчивости начал мерить огромную гостиную комнату широкими шагами.

Домработница Светлана, наблюдая за перемещениями хозяина, недовольно покачала головой: «Никакого спокойствия! Человек после сердечного приступа, а его снова тревожат!» Но по привычке ничего не стала комментировать. Не ее ума дело.

Закончив разговор, Василий уже не мог остановиться. У него давным-давно зрела одна интересная, почти фантастическая идея для офисного здания, которую теперь, несколько адаптировав и подогнав под нужные задачи, можно было воплотить в жизнь! Разве не для того существуют его компании, чтобы с помощью песка и бетона делать мечты реальностью?

Предвкушение будущего воплощения, подсчет возможных сроков и трат, обдумывание лучшего подрядчика для проекта, выбор предпочтительных материалов, цветов и прочее... Мысли, мысли, мысли. Шаги, шаги, шаги.

Возможно, для родного города этот проект слишком амбициозен, но зато какая привлекательная идея с точки зрения бизнеса и туризма! Такого больше нигде не будет!

Василий вдруг вспомнил себя в молодости: как он так же мгновенно загорался от интересных идей, как хотелось реализоваться, прославиться, обрести «вес» и завоевать нишу среди множества подобных архитекторов, как не боялся отстаивать нужные концепции, «пахал» сутками, знакомился и учился у настоящих профессионалов.

Мысли, мысли, мысли. Шаги, шаги, шаги.

Часы в гостиной комнате с боем оповестили о восемнадцати часах вечера. Пёс Гилька лениво поглядывал из-под полуприкрытых глаз за метаниями хозяина. Домработница Светлана, поджав губы, старательно оттирала заляпанный жженым вареньем стеклянный противень – близнецы накануне пытались стряпать «тертый» пирог, после выпечки отправленный в мусорное ведро. Пирог благополучно сгорел, а запеченный джем превратился в уголь и ничем не отскребался. Водитель Степаныч, слушая радиостанцию «Шансон», ехал за сыновьями шефа в элитную гимназию. Секретарша Леночка искренне радовалась возможности наконец-то вовремя уйти с работы. Молодая, хорошенькая докторица приемного отделения, мило посапывая после очередной трудной внеочередной смены, дремала в объятиях такого же замученного работой мужа-хирурга.

Вечер за окнами с наслаждением выдохнул дневную суету.

Лишь Василий Андреевич продолжал мерить комнату шагами.

Мысли, мысли, мысли. Шаги, шаги, шаги.

С раннего утра Василий Андреевич выслал почте по множество заданий, созвонился с архитектурным бюро и чуть позже провел экстренную видеоконференцию. Закрутилось-завертелось. К обеду были намечены основные пункты работы, а к вечеру Василий Андреевич уже прикидывал во сколько приблизительно обойдется строительство объекта и какие запасные варианты можно подобрать.

Давно он не испытывал такого творческого подъема. Даже дышалось как-то легче, поновому, молодо и легко. Будто долго-долго ждал нужного шанса и теперь боялся упустить.

Настроение испортило лишь одно обстоятельство – позвонила первая бывшая жена.

«Лиза, Лиза, Лизавета. От тебя не ждал приветов».

Прекрасная женщина, талантливая, эмоциональная, искренняя, даже готовила иногда, но, как оказалось, совсем не пара для него.

Василий и Лиза познакомились лет в двадцать на студенческом межвузовском «капустнике». Архитектор и журналистка. Почти классический союз «физика и лирика». У него – все строго, по линейке, с расчетом и точно. У нее – легко, беззаботно, непринужденно и необязательно. Именно Лизина необязательность постоянно становилась причиной их с Василием бесконечных ссор. Не помогли ни красивая свадьба, ни своя собственная квартирка, подаренная родителями жениха, ни рождение первенца Алексея. Лиза, повинувшись внутренним творческим порывам, часто в одностороннем порядке отменяла совместные семейные решения, уезжала в неожиданные, но очень интересные командировки, желая быть везде и сразу.

- Так нельзя! – кричал при очередной ссоре Василий. – Мы же договаривались в выходные ехать к моим родителям. Они по Лешке соскучились.

- Вася! – со слезами на глазах не соглашалась Лиза. – Мы едем с бригадой артистов в дом ребенка. Это очень важно Я сделаю прекрасный репортаж и оттуда сразу поеду на выставку импрессионистов. Правда, ненадолго. К вечеру субботы вернусь, а в воскресенье поедem к твоим. Ничего страшного!..

И ссоры продолжались, продолжались. Пока однажды Василий молча не собрал чемодан и, поцеловав на прощание только что уснувшего сына, ушел навсегда. На следующий день подал на развод.

- Вася, он снова меня не слушается! Ни в какую! Никуда не хочет со мной ездить, по дому не помогает, хамит горничной, а мою маму вовсе обозвал «ядреной мадамой»! — несколько с надрывом тараторила Лизавета.

- Подожди, – Василий попытался остановить негодующий поток речи, живо представляя, как Лизавета нервно ходит по комнате и в отчаянии ерошит коротко остриженные ярко-крас-

ные волосы. Цвета для окраски она всегда выбирала сочные, ядовитые. – Объясни, кто «он», откуда у вас горничная появилась и чем бывшая тёща заслужила такое прозвище.

- Твой сын Алексей, кто же еще! – возмущенно ответила Лизавета. – Совсем от рук отбился! В следующем году диплом писать, а он йогой увлекается, музыку пишет, даже заявку на покорение Эвереста подал! Учеба – по боку!

- Кого-то Алексей мне отчаянно напоминает, – ухмыльнулся Василий.

- Да? И кого? – С вызовом спросила Лизавета. – Я, между прочим, имя себе сделала в журналистике!

- Не спорю, не спорю, – Василию совсем не хотелось ругаться. – Расскажи спокойно и по порядку. Тем более, что с Алексеем мы созванивались на днях. От него никаких жалоб не поступало.

На самом деле, Василий всегда чувствовал вину перед первенцем. Он слишком мало занимался Алексеем. Вначале мешала обида на жену – она то разрешала видеться с сыном, то нет, потом все время уходило на построение «империи», создание очередной семьи и рождение новых наследников.

Алексей в детстве никогда не капризничал и не плакал при отце. Подростковый возраст тоже миновал довольно спокойно, но после поступления в институт (куда, кстати, он поступил сам и на бюджет), поведение отпрыска резко изменилось. Парень усиленно начал искать «смысл жизни и высшее предназначение»: создал музыкальную группу, увлекся психологией, умудрялся активно участвовать в институтской жизни и даже попробовал быть вегетарианцем. При этом, что несколько успокаивало его мать, умудрялся отлично учиться.

А Лизавета все говорила и говорила... Василий, повинно склонив голову, все слушал и слушал... Пока ему наконец-то не надоело!

Отодвинув от себя телефон и откашлявшись, он резко спросил у бывшей жены:

- Что конкретно ты предлагаешь?

Лизавета замолчала от неожиданности.

- Предлагаешь побить сына, убить, лишить наследства? Какие методы воспитания еще действуют на молодого двадцатилетнего мужика?

- Зачем же убивать? – опомнилась Лизавета. – Просто поговори с ним по-мужски! – тут Лизавета тяжело вздохнула и добавила: – В очередной раз.

- Лиза, это не действует уже, к сожалению. Может дать парню время «перебеситься»? Лучше сейчас, чем в тридцать лет.

- Думаешь? – совсем загрустила Лизавета. – Очень боюсь его потерять.

- Все образуется, вот увидишь. Лешка нормальный парень: не курит, не пьет, морды беспричинно не бьет, учится пока хорошо и даже денег не просит. Дай сыну побыть молодым! Вспомни себя в юности. Да уж, назвать тебя пай-девочкой язык точно не повернулся бы.

- Что верно – то верно, – вынужденно согласилась Лизавета. – Но ты все-таки поговори. Он тебя любит и прислушивается.

- Ладно, – мягко согласился Василий. – Обещаю.

И после окончания разговора с бывшей женой, сразу набрал номер сына...

Несколько дней вынужденного больничного пролетели незаметно, в хлопотах и бесконечных переговорах.

Катерина Сергеевна Федорчук, позвонила еще раз и нежным голосом поинтересовалась, приедет ли Василий в свой родной город и когда.

- Когда? – Василий быстро прикидывал в уме возможную поездку. – Сейчас у нас майские праздники, а уж после них и появлюсь. Обещаю позвонить заранее.

- Давайте обговорим число более точно, – настаивала Катерина Сергеевна. – Мы же с «инвесторами» завязаны...

Через десять минут переговоров точная дата была назначена.

Что же за прелестница такая с нежным голосом возглавляет Департамент строительства в родном городе? Интересно даже посмотреть. На этой должности не каждый мужик выдержит, а тут милая дама. Или немилая?

«Вот моя деревня, вот мой дом родной» или закрутилось-завертелось.

Приезд в родной город таки состоялся, но с учетом постоянных переносов только в июне. За это время было много чего обговорено и Василий уже довольно четко представлял свой будущий проект. Чертовски хотелось сделать то, что поразило бы всех и сразу. Да, возможно слишком амбициозно, но власти и основные инвесторы родного города пока не возражали. Перспективно и довольно быстрая окупаемость.

И вот, пятого июня строительный магнат Василий Петров, взяв билет в бизнес-класс, полетел на родину.

Любимый с детства город встретил яростным проливным дождем. «Дождь в дороге-хорошая примета» – подумал предприниматель, но вымокнуть не успел. На выходе из аэропорта его уже встречала целая делегация.

Вперед сразу вышла коротко стриженная темноволосая женщина-дюймовочка в отлично сидевшем бледно-голубом брючном костюме.

- Приветствую на родной земле! Катерина Сергеевна Федорчук, – нежным голосом почти пропела она и неожиданно четко, даже по-мужски, протянула руку для приветствия.

- Надеюсь, хорошо долетели?

- Отлично, – Василий ответил на приветствие мягким пожатием руки. – Рад, что меня так встречают.

В ответ Катерина Сергеевна мило улыбнулась и стрельнула глазами на подчиненных. Те сразу подтянулись и Василий понял – дама не так проста, как кажется.

Убедился он в этом на состоявшемся через час совещании. Катерине Сергеевне не надо было «лить воду» и уговаривать, рекламировать проект. Она прекрасно разбиралась во многих тонкостях, знала что выгодно, что нет, владела необходимой информацией, а если создавалась минимальная заминка, то на помощь сразу приходили вышколенные подчиненные.

В конце совещания Катерина Сергеевна недолго помолчала и сказала:

- Лично мне все понятно. Считаю, ваш проект заслуживает внимания и будет выгоден для нашего города. Хотя, признаться, я удивлена, что вы прилетели один, без команды.

- Предпочитаю сам делать первый выстрел, – улыбнулся Василий. – Остальные прилетят позже, после окончательного утверждения проекта. Передаю вам папки со всеми расчетами и ближайшее время жду отклики, комментарии, пожелания.

- Постараемся уложится в месяц, – Катерина Сергеевна взяла папки и сложила у себя на столе ровной стопочкой. – Такие сроки вас устраивают?

- Вполне, – Василию очень импонировал стиль собеседницы. Спокойно, четко, уверенно. – У меня одна просьба. Хотелось бы посмотреть место предполагаемого строительства. Может еще какие идеи возникнут.

- Без проблем, – ответила Катерина Сергеевна и посмотрела в сторону заместителя. Тот сразу подскочил и кинулся организовывать машину. – Но, может, перекусите с дороги? В гостиницу или будем рады организовать вам отдых на подведомственной базе отдыха?

- На отдых я еще не заработал, – отказался Василий Петрович. – Вначале поеду на объект.

- Хозяин – барин, – не стала уговаривать Катерина Сергеевна.

Водитель вывез Василия почти на окраину города. Огромный заброшенный пустырь, брошенная земля с остатками каких-то сараев, досок, неопрятных куч мусора и ящиков. Вдалеке виднелся новый высокоэтажный многоярусный комплекс.

Василий медленно вышел из машины, задумчиво походил, внимательно осматриваясь, и достал телефон. Посмотрев локацию, подозвал шофера, бравого крепкого мужика со старомодными лихими усами:

- Растолкуй-ка, брат Витя, где мы сейчас? Я давно в городе не был, подзабыл порядком.

Водитель быстро сориентировался и дал четкий расклад:

- Мы на западе, там микрорайоны новые строят и по плану они будут приближаться к этой точке. Вон там, – водитель махнул рукой в сторону. – Там разбит экопарк. Но отсюда до него сложно пока добраться – нет ни пешеходного моста, ни толковой дороги. Старый город остается за объездной. Но если здесь утвердят строительство, то говорят, что будут строить новую объездную.

- Кто говорит? – улыбаясь, поинтересовался Василий.

- Я Катерину Сергеевну вожу, она и говорит, – ничуть ни смущаясь ответил шофер.

Василий еще немного походил, посмотрел, прикидывая варианты в уме. А ведь неплохо получается! Даже очень хорошо! Может, даже лучше, чем он предполагал. Сразу стаи выстраиваться планы, проект с учетом местности. Через пару минут Василий уже мог четко сказать, что надо доработать и какие дополнительные вопросы задать Катерине Сергеевне. Мысли бурлили, кипели, будоражили и толкали к последующим действиям. Приятные ощущения, радостное волнение. Новое, большое, эксклюзивное дело! Звонок на работу, съемка места будущего строительства и десятиминутный разговор с Катериной Сергеевной.

Когда основные вопросы были решены, Василий удовлетворенно скомандовал:

- Витя, а теперь можно и по городу поездить!

- Экскурсию устроить? – водитель подкрутил усы и хитро прищурился. – Вам злачные места показать или приличные?

- Злачные места оставим на потом, а сейчас просто покатай по родному городу. Хочу посмотреть, как все изменилось. Почитай двадцать лет не был. Соскучился, воспоминаний – море!

Ездили больше часа. Василий решительно не узнавал давно знакомые места: улица, где он прожил двадцать лет изменилась, словно сузилась; казавшаяся высокой родная пятиэтажка неказисто смотрелась на фоне современных высотных зданий; старая кирпичная школа сверкала новыми пластиковыми окнами; детский сад потерял все облезлые железные турнички и ошетинился нелепым чёрным чугунным забором; булочная превратилась в мини-маркет; шикарные кусты плакучей ивы на пешеходной аллее, где он с друзьями играл в Робин Гуда, были безжалостно выкорчеваны и заменены на низенькие зелёные ограды. Ничего не осталось от прошлого. Ничегошеньки. Пожалуй, только знакомый, вросший в молекулу ДНК, запах.

Василию стало грустно и одиноко. Родной город больше не принимал его с распростертыми объятьями. А так хотелось ощущения щемящей, щенячьей близости и безопасности – будто в нежном детстве прижаться к маме и облегченно выдохнуть: «Все, я в домике».

Пока водитель кружил его знакомыми-незнакомыми улицами, Василий вспоминал детство, школьных друзей, дворовую компанию, занятия по классу аккордеона в музыкальной школе, добрейшего преподавателя по математике Тихона Андреевича и свою первую любовь одноклассницу Иришку. Давно то как было! Даже не верится.

Иришка... Василий усмехнулся. Он страдал от неразделенных чувств с первого по пятый класс. А Иришка, казалось, даже не обращала на него внимание. Девочка-девочка: полненькая, скромная, распахнутые голубо-зеленые глаза, милая стрижка под «каре», и искренняя, открытая улыбка. В шестом классе с девочкой вдруг что-то случилось, слетел весь флёр детского очарования и уже к концу учебного года она превратилась в бунтующего подростка в черной безразмерной толстовке, вытянутых бесформенных джинсах и рыжей крашенной копной нелепо стриженных волос. Зато к пятнадцати годам Ирина только и успевала отбиваться

от поклонников – рост метр семьдесят, фигуристая, огромные глаза с манящей поволокой и претензия на серебряную медаль.

Тридцать лет! Прошло почти тридцать лет!

Душа требовала свежего воздуха и воспоминаний. Попросив Виктора забросить вещи в гостиницу, он решил прогуляться по городу. Выйдя из машины и пытаясь угадать, в каком районе сейчас находится, медленно побрел по незнакомой улице. Жилые дома, магазинчики, весёлые студенты, стандартные офисные здания, кафе, озабоченные офисные служащие. Рабочий день, все куда-то спешат. А ему сегодня спешить некуда! Редчайший случай.

Антонина с грустью смотрела в окно. Последние дни отпуска. Очередной виток уныния и рябой, промозглой душевной серости. Вроде бы и причин нет никаких для грусти – за окнами цветущее лето, у дочери все хорошо, на работе тишь да гладь, денег на жизнь и развлечения хватает. Недавно даже в местный санаторий съездила на десять дней. Грязи, ванны, душ «Шарко», диетический стол, витаминный кислородный коктейль, бассейн и долгие прогулки по периметру ухоженной, зеленой территории. Физическое оздоровление наступило, а душевное нет.

Вот куда податься одинокой женщине в будний день? Дачи нет, кино смотреть не хочется, любые концерты проходят после семи вечера. А как же книги и пасьянсы – друзья скучающих? Антонина поморщилась: «Нет, не вариант».

Антонина таранилась в окно и силилась придумать себе хоть одно достойное развлечение.

Была бы она влюблена и сразу жизнь бы расцветилась, разукрасилась. Но недавно, прогуливаясь в одиночестве по санаторию, Тоня поняла, что даже не представляет как и где можно познакомиться с достойным, холостым мужчиной. Как это вообще — искать себе нового уха-жера? Стрелять глазами, улыбаться, заигрывать, томно вздыхать... Или лучше сразу облачиться в блузку с соблазнительным глубоким вырезом? Навык флирта отсутствовал напрочь, а мысли о нежностях и поцелуях с чужим мужчиной (какие уж тут пастельные страсти) вызывали панику. Она безнадежно застряла в прошлом, и если всё останется как есть, то одинокая унылая старость гарантирована на сто процентов. И дочка с подругами не в счет. Не то это все, не то! Душа определенно требовала новой пьянящей, легкомысленной влюбленности.

Тут Тоня вспомнила неудачный весенний опыт романтических мечтаний о любви, поломанную руку и загрустила еще больше.

Электрический чайник, выпустив в потолок плотную струйку жаркого пара, мягко щелкнул и отключился. Нюся на автомате кинула в кружку пакетик травяного чая, залила кипятком, достала банку с медом и включила телевизор.

Новости города: новая аппаратура для реанимационного отделения областной больницы, открытие долгожданного садика в микрорайоне «Тихий берег», интервью с социальным педагогом детского загородного лагеря «Ласточка», борьба с телефонными мошенниками и приезд в город строительного магната Василия Петрова.

- О! – воскликнула Тося и привычно поздоровалась с телевизором. – Привет, Василий! Вернулся, значит, на родину? Грандиозный проект готовишь! Хотя, у тебя все грандиозное. А у меня, знаешь ли, тоска и уныние. Как думаешь, скоро все изменится? Я готова к переменам, даже к грандиозным, но пока ничего не происходит. От кого это зависит? Думаешь, только от меня? Но что же еще сделать? Только не говори: «Слушай свое сердце». Сердце молчит, а душа снова в сумерках. Мне пятьдесят один год и, поэтому, количество приличных вариантов не так уж и велико. К сожалению.

Тося, смотря сюжет про олигарха, закончила нерадостный монолог и тяжело вздохнула. Праздника захотелось еще больше.

Зоя позвонила весьма кстати.

- Привет, – по-деловому поздоровалась подруга. – У нас на работе свет отключили.

- Это хорошо или плохо? – уточнила Тося, прикидывая, зачем ей данная информация.

- Уйти на два часа раньше с работы – всегда хорошо! Я сегодня на приёмах в поликлинике сидела. А кабинеты у нас без окон, поэтому даже осматривать пациенток не было возможности. Всех на завтра перенесли, – без перехода продолжила Зоя, – пошли в «Галактику».

- Ну не знаю, – уныло заупрямилась Антонина

- Хватит стонать. Сейчас везде распродажи. Одевайся, через десять минут буду у тебя.

Антонина пожала плечами, поморщилась, но поплелась в гардеробную за платьем. Какая разница где грустить? Можно и в торговом центре. Опять же распродажи...

Распродажи Антонину не впечатлили, а скорее разозлили. Только название одно!

- Смотри, смотри! – шипела Антонина, показывая Зое переклеенный несколько раз ценник. – Кофта до так называемой «распродажи» стоила на четыреста рублей дешевле.

- Не мелочись! – легкомысленно отмахнулась Зоя. Ее прекрасное настроение не могли испортить никакие четыреста рублей. – Кофта все равно классная! Будешь мерить? Нет? А я возьму.

Антонина переходила из одного магазинчика в другой, но ничего не вдохновляло на покупку. Минут через сорок она уже искренне жалела о решении выйти из дома. Сидела бы себе спокойно на диванчике, грустила под любовный сериал и жалела себя. Страдание – вот сладостное занятие для одиноких, брошенных дам.

Кофты, туфли, сапоги... Только Зоя не унывала и, примеряя бесконечное количество вещей, развлекала подругу забавными случаями из своей врачебной практики:

- Нет, ну ты представляешь! — оживлённо рассказывала она. — Я думала, такого уже не бывает. Прихожу на приём, сидит передо мной пациентка — вся такая модная: руки увешаны кольцами с бриллиантами, новенький айфон последней модели, шмотки дорожные. И заявляет, мол, лечение не помогает, да и таблетки такие омерзительные, вообще невозможно принимать! Фыркает, глазки закатывает...

Я аккуратно интересуюсь, почему же препараты «такие мерзкие». Выясняется, эта дамочка пытается грызть вагинальные свечи вместо обычных таблеток! Хотя в инструкции указано чётко и ясно, на упаковке подробно описан способ применения, да и я лично объясняла всё отдельно на приёме!

- Ты хочешь сказать, она свечи кусала и проглатывала?! — ахнула Тоня, кривя лицо.

- Представь себе! — кивнула Зоя, продолжая мерить очередные босоножки. — Удивляет, что эта барышня с таким отношением к лекарствам не загремела сразу в токсикологию с серьёзным отравлением! Ну а потом наверняка обвинила бы врача, что инструкцию недостаточно доходчиво изложили!

- А у нас в финансово-экономическом отделе такая тоска! – вздохнула Тоня. – Даже вспомнить нечего.

- Меньше воспоминаний о работе – меньше стресса. Кстати, ты таблетки мною назначенные от климакса пьешь? Молодец, тут важна схема и упорядоченность. Мы дамы не молодые, нам о себе думать надо. – Зоя потянула Антонину в следующий бутик. – А я вот на своей работе скоро с ума сойду от нагрузки. Круглосуточно дергают по телефону.

В это самое время Зоин телефон заиграл нежную мелодию.

- Блин, накаркала! – Зоя ответила на звонок, внимательно выслушала, нахмурилась и ответила. – Поняла, выезжаю.

А на удивленный взгляд Антонины сказала:

- Прости, подруга. Моей пациентке поплохело. Надо ехать.

Зоя поспешно чмокнула Антонину в щеку и моментально испарилась.

И что теперь делать? Антонина растерянно покрутила головой. Хотя, уж коли пришла, можно походить и по другим этажам торгового центра. Они с Зоей успели одолеть только малую часть.

Антонина мысленно махнула рукой и, решив выпить кофе, поплелась к очень современному, полностью прозрачному лифту.

Хорошо, когда лето. Девчонки сплошь в лёгких платьях-сарафанчиках, зимние мрачно-озабоченные выражения лиц сменяются на улыбочиво-игривые, бесконечные проблемы несколько рассеиваются, уступая место планированию отпусков и шашлычно-мангальных выходных.

Василий неспешно шёл по улице, и что уж совсем нехарактерно для него, ни о чём не думал! Совсем! Мозг самостоятельно ушёл в «спящий режим». Именно поэтому Василию было необычайно легко, словно в детстве: никаких планов, никаких обязательств, никому ничего не должен. Может у него быть выходной день или нет? Рабочий телефон Василий отключил сразу после выхода на прогулку, а семейный аппарат, к счастью, пока молчал. Григорий Савельич, его бессменный заместитель уже много лет, обещал звонить только в экстренных случаях. Громадная империя Василия Петрова работала словно прекрасно отлаженный механизм: четко, ровно, выверенно.

Оглядываясь по сторонам, он натолкнулся на крупный торговый центр. Среди прочих вывесок на стенах были названия нескольких кафе и ресторанчиков быстрого питания. Страшно захотелось перекусить и обязательно обильно, чем-то калорийным.

Посреди огромного холла торгового центра стояла не менее впечатляющая электронная информационная доска. Василий задумчиво постучал пальцами по сенсорному экрану. Чем же все-таки перекусить? На ум пришли мамкины голубцы-молодцы в сметано-томатной подливке и огромные, круглые, пышные котлеты, уложенные на горку хорошо промятого с маслом пюре. Но здесь-то такого точно не подадут. Жаль!

Фуд-корт находился на третьем этаже. Немногочисленные потенциальные покупатели не торопясь переходили из одного магазинчика в другой. Приятный мягкий женский голос вещал из динамиков о новом поступлении товаров и долгожданных сезонных скидках. Из находящегося рядом с входом парфюмерного магазина доносились приятнейшие ароматы. Передумав ехать на петляющем между этажами эскалаторе, Василий пошел к лифту. Красиво, современно, стильно как в столице. Василий одобрительно ухмыльнулся и протянул руку к кнопке, но его опередила задумчивая, женщина в удобной полуспортивной одежде. Стрижка «каре», минимум макияжа, миловидная, из той категории «уютных» дам, которые сразу внушают спокойствие и умиротворение. Василий не успел рассмотреть больше – приехавший стеклянный лифт празднично распахнул двери, а нежный голосок колокольчиком провозгласил: «Первый этаж».

Вначале зашла женщина и, не спрашивая, потянулась к кнопке третьего этажа. Поскольку Василий сделал тоже самое, их руки случайно столкнулись. Женщина резко подняла глаза. На ее лице отразилось изумление.

- Мне тоже третий этаж нужен, – счел нужным пояснить Василий.

А женщина неожиданно искренне, светло улыбнулась и приветливо сказала:

- Привет, Василий!

- И вам не хворать, – автоматически откликнулся Василий, лихорадочно вспоминая, откуда он знает эту женщину и почему она кажется столь знакомой.

- Ой, прошу прощения, — внезапно смутившись, пробормотала дама и мгновенно съехала, оставившись себе под ноги.

- Да не за что пока прощать, – Василия развеселила реакция спутницы.

Тем временем двери скоростного лифта беззвучно открылись, и мелодичный звонок известил пассажиров:

- Третий этаж.

Женщина молча выскользнула из лифта, а Василий внезапно осознал, что случайная попутчица удивительно напоминает его первую любовь Ирочку: улыбкой, взглядом, робкой радостью. Словно сразу в детство теплое, звонкое окунулся. Но возможно ли такое совпадение?

Повинуясь внезапному импульсу, Василий громко сказал вслед уходящей женщине:

- Пойдите!

Женщина как бы нехотя остановилась и с недоумением посмотрела на спешащего к ней Василия.

- Вы так со мной поздоровались, будто знаете давным-давно. Может, я вас не помню?

- Ах, это... – женщина виновато улыбнулась. – Простите, само вырвалось. Нет, мы лично не знакомы, но вас часто показывают по местному телевидению.

- Понятно. Так и вижу рубрику: «Лучшие люди нашего края», – рассмеялся Василий, и внимательно рассмотрел женщину. Очень похожа на Иришку. И пахнет от нее вкусно – яблоками и зеленым, цветущим лугом. – А как вас зовут?

- Антонина, – женщина была несколько смущена.

- Приятно познакомиться. – Василий обернулся и показал рукой на сеть закусовых. – Знаете, очень хочется есть. Вы не против пообедать со мной в кафе.

- Пообедать? – Антонина смутилась еще больше. Одно дело – мечты, а другое – материализовавшийся из ниоткуда миллионер. Вероятность встречи была равна нулю. Нет, даже нулю в минусовой степени, если такой, конечно, бывает. И вдруг Василий стоит перед ней живой, реальный. Пожалуй, будет слишком глупо отказаться от предложения и словно робкая первокурсница сбежать с неожиданного свидания. Елки-палки! Если б знала, то оделась бы красивее, макияж поправила и прочее! Хотя, чего теперь-то дергаться?

Мысли вихрем пронеслись в голове. Василий, уловив сомнения спутницы, улыбнулся:

- Просто поедим. Вы меня уже знаете. Моя очередь познакомиться ближе.

- А вы точно тот самый миллионер или просто похожи? – Антонина еще не до конца верила в происходящее.

- Точнее не бывает! – расхохотался Василий и, быстро достав паспорт, показал женщине. – Смотри! Василий Петров. Тут прописка, а тут дети записаны. Шесть штук пока. Один к одному красавцы, все в меня!

То ли от волнения, то ли от отчаянья стало Антонине совершенно всё равно как она выглядит. В душе волной нарастало любопытство и давно позабытый азарт. А почему бы и нет? Чего терять-то в пятьдесят лет? Тем более, она никогда, совершенно никогда не сидела в кафе с чужим мужчиной!

- Пойдемте, – решительно сказала Тоня. – Кафешку я выберу. Или есть предпочтения?

- Только одно – чтобы было съедобно!

Антонина выбрала известный в их городе сетевой ресторанчик. Соотношение цены и качества. Молодой вышколенный официант быстро принял заказ и через двадцать минут Василий, удовлетворенно окинув взглядом принесенные блюда, пододвинул к себе тарелку с солянкой:

- Попробуем. Уровень ресторана я определяю по салату оливье и солянке. Предупреждаю, что буду громко и жадно чавкать, а ты расскажи о себе. Мы же перешли на «ты»? Нет? Значит с этого мгновения переходим.

Антонина, наблюдая за тем, как Василий с аппетитом уплетает салат, крепко задумалась. Что рассказывать? Родилась, школу окончила, долго была замужем, развод... Всё!

Василий резко перестал есть и вопросительно посмотрел на Тоню:

- Чего молчишь? Мне же интересно. И почему не ешь? Сырники не вкусные?

- Вкусные, вроде бы, – отломил вилкой румяный сырник, окунула в густую сметану и, чуть помолчав, ответила. – Мне нечего о себе рассказать.

- Быть того не может! – не поверил Василий и подвинул тарелку с солянкой. Окунул ложку, придирчиво осмотрел содержимое и отхлебнул. – Очень, очень недурственно. Моя кухарка, конечно, вкуснее готовит, но это я тоже съем.

- А у меня борщи всегда вкуснющие получаются! Даже самой нравятся. – Антонина жевала сырник и до сих пор не верила в реальность происходящего. Мимо них проходили посетители торгового центра. Некоторые из них узнавали Василия и исподтишка фотографировали.

- Вот! А жалуешься, что рассказать о себе нечего, – Василий потянулся за новой маленькой хрустящей чесночной булочкой и ободряюще улыбнулся Антонине. – Мне правда интересно. А ты голубцы умеешь готовить? Такие большие, со сметано-томатной подливкой?

- Умею. Я только так и готовлю.

- Здорово! – Василий быстро поменял тему разговора. – Ты не замужем?

- Была. Я долго была замужем. Сорок лет вместе. Со школы дружили. Родили дочь. А потом Славка мне изменил. Мы развелись. – Антонина телеграммным текстом коротко изложила историю жизни и к удивлению обнаружила, что пересказ печальных фактов никак не сказался на ее настроении. Совсем никак! Словно страницу в учебнике по истории пересказала.

- Бывает, – понимающе кивнул Василий. – Я четыре раза разводился.

- Почему? Жены плохие попадались?

- Жены хорошие. И я отличный мужик. Просто не сложилось, – Василий доел солянку и откинулся на спинку стула. – Зато у меня шестеро детей! И жены бывшие, кстати, повторно замуж выходили. Вроде счастливы.

- «И тебе и мне хорошо». – Антонина процитировала строчку из народной песни.

- Точно! – согласился Василий. – По кофейку?

Постепенно, за легким разговором Тоня расслабилась. Нормальный мужик, ничего сверхъестественного.

- Странно, тебе не звонит никто, – заметила Тоня.

- Точно! Спасибо! – воскликнул Василий и хлопнул себя по лбу. – Я оба телефона отключил на время переговоров, а потом закурился и с тобой заболтался! Вот как благотворно город детства действует на меня.

Василий хохотнул и достал телефоны.

Сообщения сыпались не прерываемым потоком.

- Как думаешь, сколько их пришло?

- Сто пятьдесят четыре! – Антонина назвала первое пришедшее на ум число.

- Почти угадала! Сто пятьдесят восемь как бы неотложных сообщений и еще более сорока пропущенных звонков. – Василий взял один из телефонов. – Подожди меня немного. Есть парочка действительно срочных дел. Быстро переговорю и пойдем.

Он немного отошел в сторону, а Антонина озадачилась последней фразой: «пойдем». С ним пойдем? Куда пойдём и зачем?

Василий не обманул и через пять минут стоял рядом с Антониной. Подозвав официанта, быстро расплатился и приглашающе взмахнул рукой:

- Я помню, раньше в этом районе был небольшой парк. Хочешь прогуляться.

- С удовольствием, – легко согласилась Антонина. – Я в отпуске, торопиться некуда.

- И я как бы в отпуске! Давай расскажу о новом проекте?..

Они немного погуляли по парку, сфотографировались около фонтана. Василий много рассказывал о своем детстве и у них с Антониной даже нашлась парочка общих знакомых.

- Слушай, а ты комнату не сдаешь? – посреди непринужденного разговора совершенно невпопад спросил Василий.

- Даже и в мыслях не было, – опешила Антонина от странного вопроса. – Зачем? Не люблю чужих людей.

- Я пробуду в городе ещё несколько дней. Хочу организовать встречу с одноклассниками, на кладбище к бабушке и дедушке съездить, еще раз обсудить проект в мэрии, – начал объяснять Василий.

- Хорошая программа.

- Но от гостиниц уже воротит. Можно остановиться у тебя? – Спросил Василий.

- У меня? – удивилась Антонина.

- Ну да. А чего такого? Я, ведь, уже не совсем чужой. Ей богу, расслабься. Просто хочу жить в домашней обстановке и голубцов с борщом хочу.

- То есть, тебе ещё и готовить?

- Если не сложно. Я был бы очень признателен! – Василий вплотную приблизился к Антонине и умоляюще смотрел на нее сверху вниз.

- Ты давишь на меня своим авторитетом. – Антонина отошла на шаг назад и пожала плечами. – Знаешь, я в совершенном шоке от этой ситуации. Сколько мы знакомы? Пару часов, а ты уже на ночлег просишься. Я, правда, в растерянности.

- Честно? Для меня это тоже внове, но так даже интереснее.

- Ты можешь снять любую квартиру.

- А чем это будет отличаться от обычной гостиницы? – не отступался Василий.

- Ничем, – подумав, ответила Антонина.

- Вот! – Василий протянул руку. – Договорились? Плачу двойную цену. Хотя нет, тройную. Ты приготовишь мне голубцы? В свою очередь обещаю вести себя тихо, по большей части отсутствовать и чужих тёток домой по ночам не водить.

- Ладно, – с сомнением в голосе ответила Антонина. – Но это чистой воды авантюра!

- Согласен. Но что нам терять кроме иллюзий?

Антонина и Василий пожали друг другу руки.

«Голубцы, голубцы, голубцы» – крутилось в голове у Антонины, пока она старательно выскабливала квартиру. Кухня, комнаты, туалет, швабра, пылесос, диффузор. Придирчивый взгляд, сквозное проветривание, заказ продуктов. А еще надо в душ успеть! Зачем, зачем она согласилась? Совершенно идиотская ситуация!

У нее скромная «трёшка» в обычном спальном районе, с типичным «евроремонтом». Люстра, палас и типовая кухня на заказ. Чем тут можно удивить человека из списка «Самые успешные люди столетия»? Неужели, правда, голубцами? Как ни крути, но восхитительными внешними данными ей уже никого не поразить.

Антонина думала о будущей встрече и все больше огорчалась. Бойтесь своих желаний, ибо они исполняются! Шанс встречи – один на миллиард и вдруг он случился. Что теперь делать с материализовавшимся миллионером? Может, он передумает? Нет, скорее так – хоть бы он передумал.

К обговоренным девятнадцати часам вечера голубцы были приготовлены, кекс-торт с вишней испечен, в дочкиной комнате, где планировалось разместить гостя, кровать застелена чистым бельём. Вроде всё, можно расслабиться, но изнутри била нервная дрожь. Авантюра! Она ввязалась в откровенную авантюру и уже сожалела об этом.

Василий, побродив ещё некоторое время по городу, зашел в гостиницу. Устало выдохнул и, вытянувшись на огромной широкой кровати, закрыл глаза. Странная штука сегодня произошла. То ли ностальгические школьные воспоминания повлияли, то ли просто звезды так легли, но он и сам не ожидал, что поддастся внезапному порыву и напросится на постой к совершенно незнакомой женщине. Главное, зачем? Слом всех шаблонов. Но при этом, что уди-

вительно, никакой неловкости или опасности не ощущалось. Скорее, им правил некий азарт, жажда необычного, нового.

Он ничего не теряет. Переночует и, если не понравится, «свалит».

Размышляя, Василий неожиданно уснул, а когда открыл глаза было уже без пятнадцати семь вечера. «Ох, ты, елки-палки!» – выругался мужчина и, быстро собирая сумку с необходимыми вещами, вызвал такси.

Как он не торопился, а всё равно не успевал к назначенному времени. Понятно, что не на министерский приём едет и в обще имеет право передумать, но очень не хотелось разочаровать Антонину. Почему-то вдруг представил её одиноко стоящей у окна и сердце неприятно ёкнуло. Втянул женщину в историю и умудрился нарушить договоренности. Бардак!

Уже сидя в такси, позвонил Антонине и предупредил об опоздании. А затем попросил шофера остановится у магазина с цветами. Не с пустыми же руками ехать, ей богу!

В это самое время Антонина нервно поглядывала на часы. Восемнадцать пятьдесят. Восемнадцать пятьдесят пять. Восемнадцать пятьдесят девять. Девятнадцать ноль четыре! А гостя нет! Может не приедет?

Антонина уже стала облегченно выдыхать, но зазвонил телефон. Василий. Опаздывает минут на пятнадцать. Ну что ж, пусть будет как будет.

Антонина, нервничая, еще раз обошла квартиру, проверила голубцы и присела на краешек кресла. Господи, куда она вляпалась?

- Тоня, да ты не волнуйся. Меня все совершенно устраивает, – успокаивал Василий постоянно хлопчущую хозяйку квартиры. – И комната хорошая, светлая, и район приятный, уютный и голубцы удались на славу! Не суетись. Лучше положи мне добавки и присядь. Поверь, как рядовой квартиростьёмщик я вполне неприязнителен: была бы чистая постель, домашняя еда и относительная тишина. Тебе букет понравился?

- Да, очень, – Антонина смущенно улыбнулась.

- Вот и хорошо. Давай попробуем вино. Купил, конечно, на свой вкус, но это хорошая марка...

Постепенно неловкость растворилась. Антонина расслабилась.

Уют вечернего застолья: красивая вышитая скатерть на столе, сочные, сладкие помидоры, нарезанные крупными частями, сыр в мелкую дырочку, аккуратно разложенный на цветастом блюдечке, свежий мягкий лаваш на деревянной доске, а рядом кусочки копченого, ароматного сала. Своей очереди ждет ваза с персиками и сладкий арбуз.

Светло-янтарное вино красиво смотрелось в резных хрустальных, еще маминых фужерах. Даже жаль пить. Антонина посматривала на гостя, поддерживала неприязнительный разговор и размышляла. Странное дело – утром она грустила, а сейчас сидит на кухне с миллионером из «телевизора» и кормит его голубцами. В жизни, пожалуй, Василий симпатичнее, чем на экране и проще. Простой, спокойный, юморит даже. Неужели принцы бывают. Вряд ли. Бизнес – дело жёсткое и жестокое. На белом коне и только с благородными порывами империю не построишь. Словно специально у Василия зазвонил телефон. Посмотрев на номер, оно мгновенно переменялся: меж бровей пролегла недовольная морщинка, голос сделался резким, а во взгляде читалась настроенность.

Василий вышел из-за стола и направился зал. Разговор, видимо, выдался не особо приятный. Снова сев за стол, мужчина некоторое время сосредоточенно молчал, затем сделал еще один звонок, командным голосом дав невидимому собеседнику непонятные для Антонины инструкции.

За столом повисла тяжелая тишина.

- Проблемы? – почти шепотом, осторожно поинтересовалась Антонина. Вид грозного Василия-начальника не вызывал желания разговаривать по душам. Наоборот, хотелось спрятаться под стол. Вот тебе и принц на белом коне.

- Да, – отрезал Василий, резко встал из-за стола и коротко сказал. – Спасибо. Я сыт.

И гость сразу ушел в свою комнату.

«А чай? А торт? А вишнёвое варенье? А, может, кофе?» – вопросы Антонины так и повисли в воздухе. Задать их уже было некому. Она грустно пожала плечами и начала убирать со стола. Нет, так нет. А на что, собственно говоря, тут можно рассчитывать? Ситуация и так из области сюрреализма. Чем она, даже если бы захотела, смогла бы заинтересовать или увлечь Василия? Ей пятьдесят один год, во внешности – ничего выдающегося, таланты и кругозор – на среднем статистическом уровне.

Антонина тяжело вздохнула, прибралась, приняла душ и поплелась в спальню. Уже сквозь сладкую дремоту, под тихое бормотание включённого телевизора, слышала, как Василий выходит из комнаты, кипит чайник, снова с кем-то переговаривается и громко хлопает дверьми. «Пусть бродит, скушает!» – подумала она. «Может, завтра передумает и съедет обратно в гостиницу?» Антонина усмехнулась. Вспомнила строки: «Вот и встретились два одиночества...» Не вспыхнуло между ними ни огня, ни искры.

Выключив телевизор, Антонина решила больше не заниматься самоедством и моментально уснула.

К Василию же, наоборот, сон не шёл. Всё лежал, вспоминал детство, летние каникулы в деревне, новогодние ёлки у папы в институте, весёлые семейные праздники, дружных одноклассников и свою первую любовь Ирочку, благодаря которой сегодня он «вышел из зоны комфорта», оказавшись в гостях у совершенно незнакомой женщины. Чудно. По телу тёплыми волнами набегали подзабытые эмоции радости и нежности по ушедшему времени. Это было приятно. Ближе к бледно-розовому рассвету Василий уснул.

«Что день грядущий нам готовит?»

Антонине снился страшный сон – в её дом ворвались грабители! Незнакомцы свободно перемещались по квартире, шумно открывали шкафы, били посуду и громко переговаривались между собой. И самое ужасное – они совсем не обращали внимания на хозяйку дома! Как будто она была невидима. Антонину охватило сильное раздражение и страх. Она пыталась закричать, позвать на помощь, но голос отказывался повиноваться: язык присох к нёбу, а легкие свело судорогой. Грабители продолжали спокойно расхаживать по квартире, оставляя следы грязи на полу и перевернув всё вверх дном. Господи, почему никто не приходит на помощь?!

Антонина решительно сжала кулаки и, рванувшись вперед... внезапно вырвалась из кошмарного сна. Сердце выпрыгивало из груди и воздуха не хватало. Бросило в липкий пот.

«Это просто сон!» – постаралась успокоить себя Антонина, медленно спуская ноги с кровати, но тут же услышала непонятные резкие звуки. Значит, в квартире действительно грабители? Женщина в нерешительности замерла и вдруг рассмеялась над собственными страхами – это же её постоялец на кухне ножиком что-то режет. Тьфу ты, ну ты!

Набросив поверх ночнушки красивый халат и, причесав взлохмаченные волосы, Антонина направилась на кухню. Василий в джинсах и футболке с сосредоточенным видом нарезал салат из огурцов с помидорами

- Привет, – тихо поздоровалась женщина и присела на табурет.

Василий скупо кивнул и спросил:

- Ты что больше любишь – огурцы или помидоры?

- Помидоры.

- Понятно, – ничего дальше не разъясняя, Василий продолжил резать салат.

- А так-то по утрам я ем творог, – сказала Антонина.

- Это не серьезно, – Василий мотнул головой и попросил. – Достань яйца и колбасу. Сквородку я нашел.

- Вот уж не думала, что миллионеры сами готовят себе завтраки. – Антонина пожалала плечами и направилась к холодильнику. – Кстати, колбасы у меня нет.

- Уже есть. Заказал доставку. Салат с майонезом или сметаной?

Минут десять они как заправская семейная пара хлопотали над завтраком. Вилки, тарелки, свежий батон, миска с салатом и красивая яичница с крупно нарезанной, поджаренной колбасой. Поели с аппетитом, но молча. Антонину это не напрягало. Пусть лучше гость молчит, чем выказывает недовольство.

За чаем Василий без всяких переходов сказал:

- Я у тебя задержусь на пару дней. Не против? – И, даже не выслушав ответа, продолжил: – Хочу встретиться с одноклассниками. Уж коль скоро выдался шанс вернуться в детство, то надо им воспользоваться на полную катушку.

- Хорошо, – Антонина совершенно не была уверена, что это хорошо.

- Да, извини за вчерашний вечер. Случились неприятности на работе, надо было срочно порешать.

- Хорошо, – повторила Антонина. Она всё-таки до конца не понимала, как себя вести: то ли играть роль хозяйки квартиры, то ли переходить на более приятельскую волну.

- Ночью я вставал чаю попить и съел, наверное, полторта! – извиняющимся голосом сказал Василий и неожиданно радостно улыбнулся. – Вкусно необыкновенно! Спасибо!

- Ёлки, а я совсем про него забыла, – Антонина подскочила и вытащила остатки торта. – Ешь на здоровье!

- Я еще и голубцов снова на обед поем!

- То есть, на обед приедешь?

- Даже не сомневайся.

Через полчаса гость уехал по делам, а Антонина облегченно выдохнула. И зачем она ввязалась в эту авантюру?

Деловые встречи, обсуждение деталей, знакомство с потенциальными инвесторами. Именно такая работа нравилась Василию больше всего. Ощущение зарождения чего-то уникального, создание чего-то особенного из пустоты приносило невероятное удовольствие. Конечно, были и обычные, рутинные проекты, обеспечивающие стабильность дохода, но сердце тянулось именно к оригинальным задачам. Они давали чувство обновления, вдохновения.

Сегодня погода радовала: пасмурно, приятное тепло и пахнет приближающимся дождем. Медленно прогуливаясь, Василий наткнулся на милое кафе с очаровательной летней верандой.

Крепко заваренный чай с травами бодрил, а заказанный торт оказался очень нежным и свежим. Удачно день складывается! Василий удовлетворенно хмыкнул и достал телефон. Телефонных номеров бывших одноклассников сохранилось совсем немного, но проявив инициативу, уже через пару дней можно было бы собрать всех вместе.

Сергея Франков, ближайший школьный друг, идею одобрил сразу, но оговорился:

- Слушай, так быстро нам никого не собрать. Давай в пятницу?

- Выбор ресторана за тобой. Я теперь ничего здесь не знаю.

Договорившись о деталях, Василий нажал на «отбой». Сделав еще пару срочных звонков, решительно отключил телефон. А затем, беззаботно глядя на прохожих, ощутил как душа и тело расслабляются. Отпуск! Наконец-то долгожданный отдых наступил, и никто и ничто не могло омрачить сладкий миг покоя!

Был второй час дня, когда он вызвал такси и поехал к Антонине. Ехал, смотрел в окно и вдруг ощутил неясное беспокойство. Зачем ему это приключение? Почему он решил завязать разговор с абсолютно чужой женщиной, пусть даже симпатичной? Для чего надо было напрашиваться на постой, будто приличных гостиниц в городе на хватает. Вот сейчас бы завалился в свой номер, заказал обед, включил телевизор и... И что потом? Да ладно, пусть будет как будет! Должна и в его жизни присутствовать хоть небольшая доля безрассудства. Скоро пятьдесят, уже не просто можно, а обязательно нужно жить яркими впечатлениями!

Попросив таксиста остановиться около рынка, Василий купил свежей клубники и фермерские сливки. Уж очень он любил такое сочетание. Может и Антонине по вкусу придётся?

Антонина открыла дверь с чуть настороженным выражением лица.

- Привет? Чего хмуришься? – Поинтересовался Василий и протянул покупки.

- Не хмурюсь. Скорее, напрягаюсь, – Антонина пропустила гостя в квартиру, унесла клубнику со сливками в холодильник и сказала, – Признаюсь честно, наше «совместное проживание» – совершенно нетипичная для меня ситуация. Не понимаю, как себя вести.

Василий в задумчивости остановился посреди зала. Надо же, будто мысли его прочитала. Может, действительно, стоит сразу всё выяснить?

Антонина встала напротив Василия и замялась.

- Ты хочешь, что бы я уехал? – прямо спросил мужчина.

- Не знаю, – Алевтина еще больше растерялась. – С одной стороны – мне с тобой очень интересно, с другой – тяготит двусмысленность нашей ситуации.

- Я как-то неподобающе себя повел? Смутил тебя?

- Нет, конечно! – Антонина покачала головой.

- Тогда предлагаю убрать всякую двусмысленность и проговорить правила «совместного проживания». – Василий внимательно смотрел на Антонину. Неизвестно почему, но ему не хотелось уезжать. По крайней мере, не сегодня.

- Ага, правила «совместного проживания», – протянула Антонина, призадумалась и вдруг облегченно выдохнула. – Тогда представим, что ты просто приехал ко мне в гости.

- Да, чтобы вспомнить отрочество и посмотреть, как изменился город, – подсказал Василий.

- Хорошо, гость Василий. И чем же тебя порадовать?

- Для начала зови меня Васею.

- Не слишком фамильярно?

- Нет, – Василий улыбнулся и неожиданно с хрустом потянулся. – Дорогая Тонечка, с сегодняшнего дня я в небольшом отпуске. Поэтому, предлагаю уйти в полный отпуск.

- Поясни, – снова насторожилась Антонина.

- Чего ж ты всё время пугаешься? – Рассмеялся Василий. – После обеда мы совместно разработаем культурную программу и начнем внедрять.

- Согласна. – Антонина повеселела.

- У тебя сколько дней от отпуска осталось?

- Четыре.

- Отлично. Можно всё успеть и даже больше.

- Любишь планировать?

- При моей работе по-другому нельзя. И вообще, зубы-то не заговаривай. Где мои голубцы?

- Господи! – Антонина всплеснула руками. – Разогрелись уж давно. И тортик тоже остался!

После обеда они действительно обговорили «отпускную программу».

- У меня есть безумная идея, – начал Василий.

- Какая?
- Поехали в санаторий на пару дней.
- Куда? В санаторий? Я там совсем недавно была.
- И хорошо! Пару дней на природе никому не помешают.
- Ну, если с этой точки зрения. – Неуверенно отметила Антонина.
- Именно, – с жаром продолжил Василий. – А я тысячу лет не бывал в таких заведениях!

Походим на всякие джакузи, гимнастики, просто подышим свежим воздухом.

- Ладно.
- В субботу у меня встреча с одноклассниками.
- Подожди, сегодня уже среда!
- Именно. Бронировать на завтра надо срочно! – Василий быстро сходил за ноутбуком и начал показывать. – Смотри, приглядел подходящий вариант. Санаторий называется «Малый Версаль».
- Однако!
- Да, названьице с претензией. И у них как раз есть один свободный семейный «люкс».
- Но нам нужно два номера! – возмутилась Антонина.
- Во-первых – два номера в самый разгар сезона уже не достать, а во-вторых – там аж три комнаты, пара больших кроватей и диван. Места достаточно. Не сильно то и отличается от твоей квартиры. Только кормить ещё будут и процедуры поделают.
- Пожалуй, ты прав. – Антонине нечего было возразить. – Это дорого?
- Шутишь что ли? – хмыкнул Василий и покачал головой. – Моя плата за голубцы.
- А поехали! – Махнула рукой Антонина.
- А легко. – Василий начал быстро печатать в ноутбуке. – И подогрей чайник. Доем я таки последний кусочек торта.

Ближе к вечеру Антонина повела гостя гулять «по району». Приятное, комфортное летнее тепло, ещё не замызанная пылью яркая зелень, выдохнувшие после суровой зимы и ветреной весны улыбающиеся лица прохожих, парк, кафе, новые красивые высотки, небольшой прудик с ухоженной пешеходной зоной и плавающими утками. Последние особенно впечатлили Василия.

- Как здорово! – сказал Василий и вспомнил. – Слушай, раньше же в этом районе болота были непроходимые. Говорят, что и охотились, а теперь от всех водоемов только прудик остался?

- Получается так. Но, согласишься, приятно прогуляться
- Да, – Василий показал рукой на новую школу. – Разрастается район.
- А ты в какой школе учился?
- В сорок девятой, с усиленным изучением английского языка.
- Крутая школа.
- Родители постарались. Я еще и математику углубленно изучал. Репетитор с шестого класса со мной мучился.
- Тебе на пользу пошло, – улыбнулась Антонина и попросила. – Расскажи про школьную жизнь. Люблю такие истории.
- Только потом ты тоже расскажешь.
- Договорились.

Через час у них даже нашлись некоторые общие знакомые. Василий рассказал про свою первую любовь Иришку, про занятия с профессором математики Тюлькиным и учебу в музыкальной школе по классу «баян».

- Господи, ты еще и на баяне играть умеешь! А как на счет крестиком вышивать? – расхохоталась Антонина.

- Честно? – Василий хитро подмигнул. – Крестиком тоже умею. Бабушка научила, когда я месяц с переломом лодыжки дома сидел.

- «Я упала в обморок», – сказала Антонина. – Мне даже и рассказать-то особо нечего. Основные тезисы я еще тогда, в торговом центре выложила.

- Быть того не может! Не обесценивай свой опыт. Двадцать лет счастливой семейной жизни мало кому перепадает.

- Ну, если с этой точки зрения, – не очень уверенно протянула Антонина и, поморщившись, потерла руку.

- Болит, что ли? – спросил Василий.

- Поломала ранней весной и теперь болит часто.

- То кости болят, то хвост отваливается, – рассмеялся Василий.

- Если бы ты знал, как я руку сломала и почему, то смеялся бы еще больше – Антонина начала весело рассказывать о своих несбывшихся мечтах и трагическом падении...

- Значит первого марта любовь не случилась, – с иронией, по-доброму, констатировал Василий.

- Ни второго, ни двадцать пятого. – Антонина развела руками. – Вот придумаю себе новую дату и уж тогда точно случится.

- Несомненно. – ободряюще поддакнул Василий. – Кстати...

Василий хотел продолжить фразу, но его прервал очередной телефонный звонок.

Антонина всякий раз удивлялась, насколько быстро Василий погружался в ситуацию, мгновенно превращаясь в решительного и жёсткого руководителя. Это восхищало её, но одновременно пугало, подчёркивая огромную разницу в их статусах: простая бухгалтерша против миллионера. Комплекс неполноценности тут же поднимал голову, вызывая напряжение и мешая насладиться столь необычной, почти комической ситуацией.

- Кстати, – как ни в чем не бывало, после переговоров продолжил Василий. – Знаешь, почему я с тобой познакомился?

- Расскажи почему! – оживленно воскликнула Антонина.

- Ты невероятно похожа на мою первую любовь, одноклассницу Иришку. Смотри! – Василий стал быстро что-то искать в телефоне, а затем показал увеличенное на экране фото. – У меня есть несколько школьных снимков в папке «Детство»

Антонина внимательно взгляделась в изображение. Приятная, улыбчивая девчушка лет семи-восьми, два огромных белых банта и доверчивый взгляд. Вроде и правда похожи. Только одна – юная и открытая, а другая... М-да, сорок лет разницы.

- Очень хочется всех повидать. – Оживленно продолжил Василий. – Представляешь, ни разу на встрече выпускников не был. Только переписывался с некоторыми.

- А мы встречаемся иногда. Небольшая компания, человек семь-восемь, зато весело время проводим...

Вечером, собирая вещи для поездки, Антонина размышляла о странностях судьбы. Они же с Василием жили в одном городе, учились в соседних школах, имели несколько общих знакомых, даже ходили в один и тот же спортивный клуб, но никогда не сталкивались. Почему теперь? Для чего теперь судьба их свела? Или не для чего? Может стоит придавать этому значение и видеть во всём особенные знаки?

Как ни странно, Василия посещали те же самые мысли. Он сам создал данную ситуацию и до конца не понимал, зачем? Обычно, Василий довольно тщательно просчитывал ходы, варианты и придерживался строгого плана. Именно такая стратегия позволила Василию добиться значительных успехов в бизнесе. Теперь он богат, твёрдо стоит на ногах и уверенно смотрит в завтрашний день. Вроде бы и лишние переживания при таком ритме жизни ни к чему.

И главное, как сексуальный объект Антонина Василия не привлекала: с женщиной было удобно, спокойно, интересно, но не более того. Так для чего ему это приключение? Не найдя ответов на вопросы и решив просто довериться судьбе, Василий заснул.

Такси приехало в восемь утра и через час Василий с Антониной были на месте.

«Малый Версаль» впечатлял с первого взгляда. Красивое здание санатория — почти точная уменьшенная копия настоящего дворца. Огромная территория с зелёными парками и ухоженными аллеями, искусно подобранные благоухающие цветы и аккуратно подстриженные компактные кусты. Одни отдыхающие праздно прогуливались по дорожкам, другие расселись на удобных скамеечках, в просторной светлой беседке проходили занятия йогой, а на солнечной лужайке среди раскидистых деревьев проводился мастер-класс рисования акварелью.

- Мама дорогая! – восторженно выдохнула Антонина.

- Согласен, красиво, – с меньшим восторгом откликнулся Василий и расплатился с водителем. – Надеюсь и кормят здесь по-королевски.

С крыльца быстрым шагом к приезжим спускался служащий в самой что ни на есть настоящей ливрее.

- Пожалуйста, господа хорошие, – молодой веселый парень с надвинутым на бок нелепым париком, хитро подмигнув, подхватил сумки и кивком головы пригласил за собой. – Извольте пройти на ресепшне.

- Отчего ж не изволить, – с удовольствием стал подыгрывать Василий. – А скажите, любезнейший, можно ли будет нам перекусить с дороги и испить кофею.

- Всенепременно, сударь. – Служащий радостно скалился. – Вот заполните все бумаги важные, унесём вещи в номер и лично отведу вас в трапезную. Кормят, уж поверьте мне, отлично.

- У вас, наверное, и шеф-повар из Франции выписан? – рассмеялась Антонина.

- К счастью, нет. Повар наш из местных, Ваганом зовут, но готовит волшебным образом и на кухне бог. Говорят, что его у одного миллиардера перекупили.

- А что у вас тут еще французского имеется кроме названия? – с улыбкой поинтересовалась Антонина.

Служащий вдруг резко остановился и, закрыв глаза, повернул лицо к яркому солнцу:

- Неужели не чувствуете: дух, настроение, атмосфера! Благолепие какое! Дышать – не надышаться, смотреть – не насмотреться!

- А вы, батенька, поэт! – заметил Василий.

- Так всё же располагает к этому! – служащий провёл гостей в роскошный, но не кричащий, выдержанный в стиле дворца вестибюль и чинно раскланялся. – Буду неподалёку.

Оформили их молниеносно и уже через несколько минут проводили в номер. Дорогая натуральная мебель под старину, высокие потолки с лепниной, люстры с хрустальными и даже натуральные ковры, а на открытой террасе стояли плетенные из ротанга кресла с небольшим низким столиком.

- Ты говоришь, что номер – как моя квартира? – хмыкнула Антонина с восхищением осматриваясь по сторонам и заходя в каждую комнату. – Это больше моей квартиру минимум в два раза! Версаль, чистой воды Версаль.

- Ой, не преувеличивай! Не слишком-то и похоже. Я бы вовсе предпочел что-нибудь более сдержанное. А то сплошные розочки, позолота и завитушки. Даже в ванной комнате умудрились везде загугулин навесить и шторы чуть ли не из бархата, – отмахнулся Василий. – Какую спальню выбираешь?..

Разбирая в своей комнате вещь и собираясь переодеться к завтраку, Антонина неожиданно растерялась – а что надеть? Глянула на себя в огромное зеркало могучего дубового

шкафа. Пожалуй, она резко диссонирует с этим помещением, да и в целом, с санаторием. Спортивный костюм никак не сочетался с предложенным барокко. Проблемка.

Антонина озадаченная вышла в гостиную. Василий, так и не зайдя в свою спальню, быстро-быстро с кем-то переписывался по ноутбуку. Заметив компаньонку, махнул ей рукой:

- Пять секунд. Отправлю документ и пойдем.

Буквально через минуту он действительно закрыл ноутбук и сладко потянувшись встал с удобного разлапистого дивана в нежную бледно-голубую розочку.

- Чувствую себя как в алькове и королевы, ей богу.

- Подожди, – становила мужчину Антонина. – А в чем идти на завтрак?

Василий непонимающе уставился на Антонину.

- Ну как здесь одеваются для принятия пищи?

- Обычно, – промямлил Василий и вдруг расхохотался. – Ты предлагаешь нацепить вечернее платье с корсетом и на голову парик нахлобучить? Не парься! Иди в чем удобно.

- Смешно ему, – скривилась Антонина.

- Реально, не тот здесь Версаль, чтобы так переживать.

- Нашла с кем советоваться, – вздохнула Антонина.

После минутного раздумья надела легкие льняные брючки и блузку. Пойдет, вещи между прочим, натуральные, турецкие.

Василий, находящийся в прекрасном настроении и от души веселящийся над терзаниями подруги, быстро подхватил её под руку.

- Тонечка, берегись, сейчас набросятся на тебя гарпии в брильянтах, осмотрят со всех сторон, ощупают.

- Дурак, – беззлобно парировала Антонина.

Столовая-трапезная-обеденный зал впечатляла масштабом и убранством. Антонина, восхищенно охнула и замерла на пороге величественно распахнутых дверей:

- Здесь реально можно проводить балы.

- Думаю их здесь и проводят. Такое помещение должно отрабатывать вложенные деньги.

– Путешественники, в сопровождении быстро подошедшего симпатичного юноши, подошли к своему столику.

- Ты всё переводишь в деньги.

- Не я, а жизнь.

Завтрак состоял из: фруктового салата, распаренной пшенной каши на молоке, нескольких видов сыров разложенных на красивом блюде, свежего зернового хлеба и багета, отварных яиц, а также еще нескольких пирожочков, пироженок и малюсеньких печенек.

- Этого бы и на обед хватило, – проворчала Антонина, но с аппетитом принялась за еду.

- Пока до обеда мы с тобой обойдем всю территорию, то точно проголодаемся, – не согласился Василий.

- Может не пойдём на всякие души Шарко? Бассейна вполне достаточно. – Предложила Антонина, с интересом разглядывая публику. Контингент скорее среднего возраста и старше, мужчины не стесняясь ходили в спортивной одежде, дам в вычурной, подчеркнута дорогой одежде вовсе не наблюдалось. Чинно, спокойно, размеренно, без «выпендрёжа».

Антонина расслабилась. Ладно, пару дней пережить можно.

В отличии от спутницы, Василий чувствовал себя совершенно свободно. Всякого в жизни повидал и уже давно безразлично относился к чужому мнению. Ел молча, мысленно планируя день, намечая первоочередные дела.

- Вася, такое впечатление, что ты сейчас мировые проблемы решаешь, – заметила Антонина, потянувшись за пирожочком. Интересно, какая начинка?

- Так заметно? – улыбнулся Василий. – Думаю срезу после завтрака с одноклассниками связаться. Надо время встречи уточнить и еще парочку вопросов по работе проконтролировать.

- Ты же в отпуске.

- У меня непрерывное производство. К сожалению. Но обещаю не грузить тебя проблемами. Отдыхать – так отдыхать!

В обеденном зале играла приятная джазовая музыка, плавно дефилировали официанты с подносами, чуть слышно позвякивали столовые приборы. Антонина словила себя на том, что к концу завтрака даже начала получать удовольствие.

«Однако атмосфера сибаритства и красивой жизни затягивает» – подумала она.

Мимо их столика грациозно вышагивала яркая брюнетка лет сорока в дорогом темно-бордовом офисном костюме. Она дежурно улыбнулась Антонине идеально накрашенными губами, быстро перевела взгляд на Василия и вдруг искренне, громко воскликнула:

- Вася! Ты ли это?

Василий в недоумении поднял голову, несколько секунд пристально смотрел на даму и вскочил из-за стола:

- Иришка! Вот так встреча!

- Да не то слово!

Одноклассники тепло обнялись и начали наперебой разглядывать, расспрашивать друг друга. А затем Ирина бесцеремонно поставила себе стул и, переключив внимание на себя, присела за столик. Она говорила и говорила, обращаясь только к Василию, словно Антонины рядом и не существовало.

Через некоторое время Антонине это надоело. Женщина, грустно глянув на Василия, встала из-за стола. А тот, увлеченный разговором даже не остановил её. Антонине стало неловко и обидно. Ладно, она в спутницы не набивалась, сама себе найдет развлечение.

В огромном белоснежном шатре царила приятная прохлада. Несколько человек стояли за мольбертами, а между ними ловко лавировал длинный тощий усатый мужчина в широких парусиновых штанах и ярко-красной льняной рубахе.

- Так, любезный, а теперь добавьте чуток желтого колора! Да, пожалуй, достаточно. Видите, как заиграли блики солнца на воде. Продолжайте! – И тут же перескочив к грузной пожилой матроне, продолжал. – Мадам, очень талантливо, но в этом месте лучше нанести темно-серый оттенок. Чуть больше сумрака и таинственности.

К Антонине подошла улыбчивая темноволосая девушка и нежным голосом поинтересовалась:

- Хотите поучиться?

- Хочу! – Антонина с интересом смотрела на «учащихся».

Девушка быстро подвела её к усатому мужчине.

- Еще одна талантливая художница? Что ж, буду рад поспособствовать вашему дальнейшему творческому развитию. Пожалуйста к мольберту. Сегодня мы рисуем акварелью. Сейчас объясню.

И через несколько минут Антонина увлеченно обмакивала кисть в краски...

Картина уже была почти закончена, когда сзади на плечо ей кто-то положил руку. Антонина вздрогнула, с кисти на холст упала крупная капля и на рисунке образовалась некрасивая темно-синяя клякса.

- Ой, прости пожалуйста, – с сожалением произнес Василий. – Я всё испортил.

- Да, ты всё испортил, – не поворачиваясь, ответила Антонина, пытаясь убрать кляксу с холста.

- И как мне это исправить?

- Что исправить?

- Картину, завтрак.

- Никак. – Антонина оглянулась на Василия. – Я тебе никто и ты мне ничего не должен.

Антонина позвала художника и они стали обсуждать, как исправить положение. Василий ещё некоторое время помялся рядом, а потом вышел.

Праздний народ неспеша, вальяжно прохаживался по ухоженным тенистым аллеям, из установленных повсюду динамиков лилась приятная легкая музыка. Василий сидел на лавочке около шатра и мучился чувством вины. Давненько он такое не испытывал. И, главное, не специально получилось! Он действительно настолько обрадовался однокласснице, что позабыл обо всём! Даже интересно – думал об Иришке и вдруг она материализовалась. Красивая, уверенная, ухоженная словно бизнес-леди с обложки журнала. А вот с Тоней неловко получилось. Конечно, она права и никто никому ничего не должен, но...

- Действительно считаешь, что я похожа с Ириной? – без предисловий спросила Антонина, подсевшая рядом на скамейку.

- Сейчас уже совсем не похожа. Слушай, – начал извиняться Василий. – Ну прости ты меня! По-дурацки получилось!

- Перестань, – мягко улыбнулась Антонина. – Я даже польщена некоторым нашим сходством. Хотелось бы мне так же уверенно себя чувствовать, так ярко выглядеть.

- А, это дело практики! – Василий встал со скамейки и подал Антонине руку. – Зато, уж тут я уверен, Ирка точно не умеет готовить какие вкуснющие голубцы и божественный торт. Мир?

- Мир, – легко согласилась Антонина и взяла приятеля под руку.

- И, между прочим, – Василий продолжил мысль. – У тебя другая красота: уютная и нежная. Таких женщин мужики очень даже ценят.

- Неужели? – Антонина со смехом закрутила головой. – Что-то не вижу толпы ценителей!

- А зачем толпа, когда есть я?

Конфликт был исчерпан, и они договорились сначала прогуляться, а потом, так уж и быть, сходить на предложенный администратором массаж.

Антонина и Василий шли по дорожке, медленно удаляясь от замка-санатория. Стоя на крыльце и некрасиво морщась, Ирина смотрела им вслед.

«Не мог попримечнее тётеньку себе выбрать, — с раздражением думала она. — Что только нашёл в этой Антонине? Ни ума, ни шарма, и взгляд брошенной собачки. Или Васе нравится благотворительностью заниматься? Он с детства добрый был, отзывчивый... хотя даже хорошо, что эта дамочка ничего из себя не представляет. Удача на моей стороне. Вася мог в любой санаторий поехать, а выбрал наш! Случайная встреча – не случайна. Мне же проще. Ещё сегодня-завтра его очарую, а на встрече одноклассников выложусь на сто процентов. Говорят, что Вася был в меня влюблён в школе, вот и возродим погасшие чувства. Кандидата-миллионера упускать нельзя. Тем более теперь он снова разведён. Дети у него есть, но если очень понадобится, то смогу и забеременеть. Сейчас медицина шагнула сильно вперёд».

Четко всё распланировав и оценивая свои шансы как крайне высокие, Ирина уверенно вошла в холл. Служащие тут же насторожились и стали демонстративно углубляться в работу.

Коллектив Ирину не любил. Совсем. Жёсткая, прямолинейная, бескомпромиссная и подчёркнуто вежливая, она идеально справлялась с должностью управляющего, но проблемам сотрудников относилась равнодушно. Болеть, отпроситься на пару часов или прийти позже — абсолютно исключено. Ирину такое отношение не волновало. Она слишком долго шла к своей цели, добившись репутации безупречного работника. И это без всяких протекции и родственных связей. Богатые влиятельные любовники не в счёт – каждый знал что получает. Теперь у неё есть статус, очень приличная зарплата и возжеленная «уверенность в завтрашнем дне». А на счет чёрствости... Да, она меряет по себе. Слабые пусть идут мыть полы и торговать бананами.

Ирина надменно окинула пространство требовательным взглядом и быстро зашла в кабинет. Заняв кресло, она нервно постукивала длинными ухоженными ногтями по столу, после чего протянулась к телефону. Так, срочно нужен парикмахер и новый отпадный наряд. На вечере выпускников будет только одна королева – она!

Еще немного подумав, Ирина пришла к выводу, что больше так грубо «игнорить» подружку Василия не стоит. Врага лучше держать поближе. Поэтому, завтра она будет с Антониной любезной и чрезвычайно внимательной. Впрочем, еще сегодня за ужином можно попытаться исправить утренний конфуз.

Зайдя на компьютере в базу данных, Ирина быстро нашла паспортные данные соперницы. Надо позвонить Коле-очкарику, однокласснику и вечному воздыхателю, пусть подробно узнает кто такая Антонина. Предупрежден – значит вооружен.

На столе нервно задребезжал сотовый телефон. Дочка.

Дашку она родила в двадцать пять лет. Просто решила, что уже пора обзавестись потомством – институт закончен, стабильная работа менеджера в крупной гостинице найдена, а богатый любовник Гоша вполне подходил на роль заботливого папочки. Родители тактично поинтересовались, будет ли свадьба или дочка так, «для себя» рождает? Ирка не ответила ничего определённого, но поинтересовалась у будущего папаша, разведется ли он со своей «курицей». Гоша категорически отказался менять социальный статус «женатика», но согласился помогать будущему ребёнку и даже открыл счёт в банке, куда регулярно переводил деньги после рождения Ленки. Девчонка, к счастью, оказалась на редкость смышлёной, особых хлопот не доставляла и по окончании школы с серебряной медалью поступила в медицинский институт. Выучившись на врача-стоматолога и пройдя (благодаря помощи папы Гоши) отличную стажировку в Израиле, сейчас трудилась в лучшей клинике города и подумывала о переезде в столицу.

- Мама, привет, – тихо поздоровалась Дашка.

- Привет. Что случилось? – Сразу спросила Ирина, раздраженная прерыванием обдумывания коварного плана.

- Ничего страшного, – ответила дочь и через секундную заминку ответила. – Кажется, на следующей неделе я переезжаю в Москву.

- Почему так экстренно? – Ирина напряглась. С дочерью отношения были не слишком нежные, но то, что Дашка ускользнет из-под её полного контроля стало неожиданностью.

- Пришел вызов из той крутой клиники, помнишь, я рассказывала? – не обращая на недовольство матери, спокойно продолжила Дашка. – Условия для начала шикарные: оплачивают половину съема жилья, устраивают на полную ставку и дают возможность для написания научной работы.

- Ты будешь писать кандидатскую диссертацию?

- Да, говорила об этом несколько раз. – Дашка вздохнула. – Мама, ты меня хоть когда-нибудь слушаешь?

- Слушаю, конечно. – Ирина недовольно поморщилась. – Ладно, поняла. Дома поговорим, сейчас я занята. Пока.

Ирина смотрела в окно и продолжала постукивать пальцами.

Значит, дочь всё-таки уедет...

Не хотелось признаваться самой себе, но этого момента она страшилась. К сожалению, отношения с мужчинами никак не ладилась, а более близкого человека чем дочь у Ирины не было. Не хотелось остаться одной «на старости лет».

Погрустив еще пару минут, Ирина вздохнула и продолжила работать с документами, решив непременно «случайно» столкнуться с Василием за ужином. Свой шанс она не упустит!

Оказывается, в номер «люкс» массажисты приходили сами. Близнецы Андрей и Олег, лет двадцати пяти, невысокие, крепенькие, курносые, быстро втащили раскладные кушетки.

- Один из вас ляжет на кушетку здесь, другой – в спальне напротив, – широко улыбнувшись сказал то ли Андрей, то ли Олег. – Если есть определенные пожелания к массажу, то озвучивайте сразу. По прайсу вам прописан классический вариант шейно-грудного отдела.

- Сделайте, пожалуйста, массаж всего тела за дополнительную плату, – попросил Василий. – Моей спутнице тоже.

Антонина растерялась от такого сервиса, но отказываться не стала.

Через час Антонина в совершенно расслабленном состоянии лежала на диване в гостиной, а рядом, закрыв глаза и развалившись в кресле, с блаженной улыбкой сидел Василий.

- Он просто волшебник, – почти пропела Антонина. – Даже косточки на пальцах ног промассажировал.

- Не то слово, – не открывая глаз, согласился Василий. – Ребята знают своё дело

- Я не смогу пойти на обед. Не хочу выходить из нирваны.

- А мы сюда обед закажем, – Василий приоткрыл один глаз и глянул на часы. – Скоро час дня. Самое время подкрепиться.

За шикарным обедом, который накрыли на открытой террасе, разговорились о детях.

- Я за старшего переживаю, Лёшку. Очень умный пацан, память фотографическая, талантов немерено, но бродит-колобродит словно молодое вино.

- Предложи ему у себя поработать, может втянется, интерес появится.

- Думаешь? Лёша отрицает всё, сразу бычится, требует свободу выбора.

- Но ты попробуй. Ему и так непросто – пролонгированный переходный возраст и ты, как отец, практически отсутствуешь.

- Это правда, – грустно согласился Василий. – А если и присутствую, то только нотации читаю.

- Вот именно. – Антонина раскраснелась от вина и потянулась за холодной минеральной водой. – Расскажи про остальных детей.

- От второго брака у меня две дочки – Любаша и Маруся. Старшая пятнадцатилетняя красотка – очень одаренная пианистка, вечно по конкурсам ездит, в консерваторию поступать планирует. А Маруся помешана на моде. Купил ей крутую швейную машинку, ежемесячно выделяю деньги на ткани и дополнительные курсы шитья. Такие вещи создает, что любой кутюрье позавидует. – Василий рассказывал о детях и счастливо улыбался. – Девчонки часто ко мне приезжают. Договариваются с младшей, Светланкой, ей десять, и заваливаются дружной компанией. А уж если близнецы к ним присоединяются, то дома «дым коромыслом».

- И тебе это очень нравится, – заметила Антонина.

- Очень, – согласился Василий. – Жалею иногда, что дети от разных жён. А так бы жили все под одной крышей дружной семьёй.

- Зачем разводился тогда?

- Так получалось, – вздохнул Василий и как-то потускнел лицом. – Но зато дети – это моя лучшая версия.

- Шесть лучших версий! У меня одна дочка, но тоже лучшая.

- Почему ещё не рожали?

- Вначале не хотели – так хорошо нам было втроём, а потом уже и не получилось. Да чего теперь говорить, – горько усмехнулась Антонина. – Поздно.

- Зато внуки скоро будут, – попытался утешить Василий.

- Очень надеюсь. Знаешь, – оживилась Антонина. – Я буду суперской бабушкой! Читать-писать научу сама, плюс музеи, театры, кружки.

- И блинчики по утрам испечешь, – добавил Василий.

- Премепременно!

С террасы открывался волшебный вид на парк: зеленые кроны деревьев, пестрые клумбы с цветами, темно-серые меридианы пешеходных дорожек, стройные ряды хорошо подстриженных кустов. Ослепительное июньское солнце, выжигая весеннюю тоску с авитаминозом, медленно ползло по шершавым каменным стенам дворца-санатория. Теплый, чуть пахнущий пылью и горькими цветами ветер, легко, с радостью обнимал за плечи встречающихся прохожих.

Василий и Антонина еще долго болтали.

Два чужих человека, объединённые цепью случайных событий.

Ирина под видом проверки вошла в обеденный зал и с недовольством отметила, что Василий, улыбаясь, мило беседует с Антониной.

«Ну реально, нет в этой тётеньке ни шарма, на стати! Ладно, к утру Коля-очкарик обещал найти о ней информацию, тогда и буду суетиться».

Поморщившись, Ирина подобралась и уверенно пошла к столику. Поболтав с одноклассником и Антониной несколько минут, она сослалась на высокую занятость. У деловой женщины нет времени на пустые разговоры! Ирина дефилировала по обеденному залу, грозно зыркала по сторонам в поисках недочетов, не забывая вежливо улыбаться многочисленным гостям. Когда она наконец-то удалилась, персонал облегченно выдохнул.

Как сладко спалось Антонине на новом месте: на высокой широкой кровати с ортопедическим матрасом застеленной дорогим хрустящим, пахнущим тонким ароматом бельём, лежа на удобных подушках и укрывшись мягким, тёплым, уютным одеялом. И сон снился светлый, лёгкий. О чём, она не запомнила, но ощущения остались очень приятные.

Антонина лениво открыла глаза, счастливо потянулась и глянула в распахнутое окно: светло-голубое высокое-высокое небо, почти прозрачные белесые облачка и стремительные, разрезающие воздух стрижи. Какое замечательное лето!

Брюзжание мобильного телефона испортило романтический настрой.

- Тонька! А ты где? – Без предисловия спросила Зоя. – Поехали сегодня вечером ко мне на дачу! Погоды чудные стоят и вроде первая клубничка намечается.

- Нет, не поеду, – со вздохом протянула Антонина.

- Почему? – удивилась Зоя, зная любовь подруги к выездам на природу.

- Я в санатории, приеду только завтра после обеда.

- В каком таком санатории? Ты же только недавно оттуда вернулась!

- Санаторий называется «Малый Версаль».

- Да ладно! – не поверила Зоя. – Там цены как во Франции! Чего-то ты темнишь, подруга.

- Сейчас фотки вышлю.

- А каким образом ты там оказалась? И, главное, с кем? – любопытствовала Зоя.

- Потом расскажу. Хорошо? – улыбнулась Антонина и представила разочарованное лицо подруги. – Сейчас ни о чём не спрашивай. Мне здесь очень хорошо.

- Договорились, – недовольно ответила Зоя. – Но с одним условием – ты вышлешь фотки, а при встрече поделишься подробностями! Иначе я умру от любопытства.

- Это уже два условия, но я согласна! – Антонина попрощалась с подругой и ещё раз с наслаждением потянулась.

В дверь постучались и в комнату осторожно заглянул Василий.

- Долго валяться будешь? Умывайся, пойдем завтракать.

- Круасаны поедать и кофе попивать?

- Можно и это, но только после омлета с кашей. Давай быстрее. Есть охота! – Сказал Василий и прикрыл дверь.

- Сейчас встаю! – крикнула вдогонку Антонина и с сожалением отбросила одеяло.

Сегодняшний день прошел лучше предыдущего: гастрономические изыски, прогулка по парку, пробное занятие верховой езды, поездка на крошечный водопадик местной речушки со смешным названием Здрыга и полный массаж тела от братьев-близнецов.

Стремительно промелькнувшие сутки растворились в закатных лучах томного солнца. Антонина, оказывается, совсем забыла что такое – быть полностью расслабленной, а Василий с удивлением по-новому открывал удовольствие от простых вещей: вкусной еды, спокойных дружеских бесед и заботы о своём здоровье.

Ирина, зашедшая в обеденный зал во время ужина, с неудовольствием отметила цветущий вид одноклассника и его нелепой спутницы. Парочка до того мило беседовала, что сомнений не оставалось – им интересно друг с другом.

Но Ирина сдержала свою неприязнь и, подойдя поближе, тактично кашлянула, прежде чем начать беседу.

- А! – Василий оглянулся и обрадованно махнул рукой. – Привет, Иришка! Присаживайся.

- Я ненадолго. – Ирина сделала вил, что очень занята. – Хотела на счет завтрашнего дня уточнить. У вас выезд из номера до двенадцати дня.

- Да, помню.

- А в шесть вечера мы встречаемся в «Жульене»?

- Точно.

- Хорошо, – Ирина встала и по-деловому оглядела обеденный зал. – Увидимся на встрече. Надеюсь, вы хорошо у нас отдохнули?

- Ирочка, волшебю! – Василий привстал и обнял одноклассницу. – Жаль, что всего два дня свободных выдалось.

- Спасибо! – Ирине похвала пришлась по душе и она немного смягчилась. – Приезжайте ещё, таким гостям всегда рады.

- Ира, здесь не малый, а настоящий Версаль, – вставила Антонина. – Слово в сказке побывала. Безупречно, вкусно и даже полезно!

- Благодарю, – Ирина почти искренне растянула губы в улыбке. – Стараемся соответствовать названию.

Одноклассницы перекинулись ещё парой фраз, а Антонина смотря на них, вдруг загрустила: во-первых, прекрасный отпуск заканчивается, а во-вторых, ей никогда не стать такой красивой и эффектной, как Ирина.

После шикарного санаторного номера, своя квартирка показалась Антонине почти убогой. Василий, увидев, как она в растерянности ходит по комнатам, спросил:

- Ты чего?

- Может мне дома ремонт сделать?

- Зачем? – Василий покрутил головой в поисках причины.

- Обои, вот, потерялись. Шторы уже такие никто не вешает.

- Не выдумывай. – Василий не понимал в чём дело. – У тебя хорошо и уютно. Давай лучше чаю попьём. А к шести я яду на встречу.

- Хорошо. – уныло согласилась Антонина. – Могу быстро сварить куриную лапшу. Я лапшу сама делаю и режу. Бабушка научила.

- Да кто же от такой домашнятины откажется. Но вначале – чай!

Куринная лапша с купленными по дороге петрушкой и укропом, Василию очень даже понравилась. Пообедав, он занялся рабочими вопросами а затем заторопился на встречу. Антонина, прогладив гостю рубашку, с грустью наблюдала за его сборами. Славик всегда наряжался более торжественно, относился к процессу как к ритуалу: лично наутюживал стрелки на

брюках, чистил парадный пиджак, долго подбирал рубашку и галстук. Напоследок, сбрызнувшись «праздничным» одеколоном, надевал дорогие импортные туфли. Иногда в таких хлопотах забывал на прощание поцеловать Антонину. Но она не обижалась и спокойно ждала мужа дома. Доверяла, верила, доверилась... Славик больше никогда не будет здесь одеваться и Василий уедет совсем скоро. И останется она снова одна.

Василий садился в такси, а Антонина, смотревшая из окна, не удержалась и помахала ему рукой. Получилось непроизвольно, искренне и к удивлению Василий ответил тем же. Антонина сразу успокоилась и перестала грустить, словно простой жест разогнал тоскливые мысли. Пусть будет как будет.

В небольшом ресторанчике «Жульен» громко звучала музыка и излишне бодрый ведущий в мятом льняном костюме «создавал весёлую обстановку». На встречу смогли подъехать семнадцать одноклассников. Они оживленно толклись на улице, обнимались, восторгались, целовались. Под раздачу всеобщего братания попал и Василий. Маринка Филипчук, бывшая соседка по парте, в настоящее время мать пятерых детей, радостно взвизгнув, повисла на именитом однокласснике, а потом стала представлять его словно звезду экрана:

- Да вы посмотрите, посмотрите, посмотрите! – ловко лавируя между одноклассниками выкрикивать Маринка. – Вот уж кого не чаяли, не чаяли повидать! Ни разу, ни разу не приезжал, а нынче всё сам, всё сам организовал!

- Маринка! Ох и звонкая же ты! – Рассмеялся Василий и тепло обнял подругу. К ним на встречу уже торопился Серега Франков. Старинный друг быстро перехватил инициативу и через некоторое время чуть успокоившиеся одноклассники сидели за накрытым столом в прохладном, стилизованном под французский стиль, уютном помещении ресторанчика. Пахло хорошей едой, официанты слаженно и тихо перемещались по залу, диджей грамотно убавил звучание музыки.

В это время в помещение, словно лебедь белая, вплыла Ирина, и все невольно обратили на неё внимание. На ней было бледно-розовое воздушное платье ниже колена и изящные босоножки, а образ дополняли изысканная авторская бижутерия из горного хрусталя, неброский нежный макияж и ухоженные волосы, убранные в скромную причёску, — воплощение того, что сейчас принято называть «тихим шиком». Эффект получился отменным. Уже было успокоившиеся одноклассники восторженно загалдели, выкрикивая приветствия, опоздавшей начали срочно искать свободный стул и столовые приборы. Ирина радостно улыбалась – пока идет всё по плану. Она отыскала глазами Василия и скромно кивнула, а тот поднял вверх указательный палец. Одноклассница Ритка, одно время работавшая с Ириной и знавшая её как облупленную, заметила это молчаливое приветствие и усмехнулась: «Понятно чего она так вынарядилась. Прямо девочка-одуванчик». Игорёк Тимохин, высокий нескладный мужчина в дорогом, но явно не новом летнем костюме, раздавал именные значки и бумажные колпаки, а Серёга Франков показывал замешкавшемуся ведущему, что пора начинать.

Торжественная часть, тосты, небольшой документальный фильм и презентация праздничной стенгазеты, подготовленных активистами класса – вечер одноклассников набирал обороты. Маринка Филипчук, ответственная за фотосъёмку, ловила каждый момент, и кадры получались удивительно живыми, эмоциональными, весёлыми. К середине вечера бывшие одноклассники окончательно расслабились: спала натянутость первых минут, исчез налёт озабоченности, и на лицах, помолодевших от смеха и воспоминаний, снова появились знакомые улыбки.

Василий словно вернулся в школу, в свой третий «А» класс, за четвёртую парту во втором ряду. Душа наполнилась необычайной легкостью, задором. Он смотрел на одноклассников, радуясь, что смог не только организовать себе отпуск, но собрать почти всех. Рабочие проблемы, сметы, встречи и чертежи — всё это постепенно теряло важность, растворяясь в тёплом гомоне неожиданно вернувшегося детства.

- Василь... – Рядом повеяло лёгким, нежным ароматом. Ирина коснулась его руки. – Всё хорошо?

- Лучше некуда! – Василий обернулся. – Смотрю на наших и радуюсь. Понимаешь, мы совсем не изменились. Даже приколы-шуточки те же остались.

- Хотел бы вернуться обратно, в школу? – улыбаясь, мягко спросила Ирина.

- Даже не в школу, а в то время. Чтобы с пацанами по гаражам лазать, классом в поход на озеро ходить, ржать на последнем ряду в кинотеатре, и лузгать около подъезда семечки.

- Ностальгируешь. Понимаю, – Ирина подперла голову рукой, глядя на пляшущих одноклассников. – Как же быстро время пролетело...

- Точно, – согласился Василий и посмотрел на одноклассницу. – Но на тебе это совсем не отразилось.

- Скажешь тоже, – фыркнула Ирина, делая вид, что не верит комплименту. — А правда, что ты был в меня влюблён? Тогда, в школе?

- Ага, был! – Василий счастливо улыбнулся. – Наверное, с первого по пятый класс.

- А потом что случилось?

- Случился переходный возраст и мы изменились. Но, – Василий поднял указательный палец. – Приятно об этом вспоминать.

- Значит, теперь я тебе не нравлюсь? Совсем? Прошла любовь – завяли помидоры? – Ирина сделала вид, что обиделась.

- Иришка, да ты что такое говоришь! – Василий искренне, тепло приобнял одноклассницу. – Разве такая красота может не нравиться? Ты же богиня!

- Нет предела совершенству. – Ирина скромно потупила взгляд, а саму так и разрывало от желания высказаться о недавней спутнице Василия. Не с той, ой, не с той он проводит время! Но сейчас лучше промолчать.

Долго поговорить не дали – к ним подлетела запыхавшаяся Маринка.

- Так, чего сидим? Выходим на танцпол! Сейчас конкурсы будут!

- И обязательно участвовать? – недовольно протянула Ирина и как бы невзначай прильнула к Василию.

- А как же! – возмутилась Маринка. – Потом поболтаете, а сейчас все танцевать!

- Мариночка! Не смею послушаться! – Василий встал и чмокнул одноклассницу в щеку. – Вот как была ты старостой, так и осталась. Пойдем, душа моя, тряхнем стариной. Иришка, присоединяйся.

Иришка смотрела вслед уходящему однокласснику, злясь на так некстати вмешавшуюся Маринку, но потом одумалась. Бывают, ведь, не только быстрые, но и медленные танцы! И тут уж она своего не упустит. Пятьсот рублей диджею и будет та музыка, которая ей нужна. Ирина встала и, чуть подёргивая плечами в такт весёлой песне, присоединилась к танцующим.

В это самое Ритка Сёмина, худая, немного резковатая, с вечно настороженным выражением лица, поторопилась к Игорьку Митрохину. Он в одиночестве сидел за столом и с задумчивым видом смотрел на открытую бутылку водки. Заметив однокласснику, Игорёк обрадовался:

- Ритка, давай выпьем! Одному как-то не очень, – и Игорек потянулся к бутылке.

- Да хватит уже лакать! Я с тобой с самой школы дружу, но так ты еще никогда не опускался, – зашипела Ритка. – Ты что-нибудь собираешься предпринимать?

- А что я могу? Ничего! – Игорек обреченно развел руками.

- Вот правильно она тебя кинула. – Ритка недовольно поджала губы, а затем снова зашипела. – Ты посмотри, это шобла уже Василя окучивает! Предупредил бы товарища! Он же ничего не знает!

- А зачем? – Игорёк понуро пожал плечами.

- Затем, чтобы обломать её! А то нарядилась розой майскою, глазки стоит, жмётся к нему постоянно.

- Ну не ко мне же ей жаться. Теперь-то какой от меня прок?

- Вот именно! Не постыдилась же сюда прийти, гадина. – Ритка убрала бутылку подальше с глаз и снова настойчиво обратилась к Игорьку. – Расскажи ему, пусть знает! Эта дрянь тем и пользуется, что ты благородно молчишь. А если и его подставит?

Игорёк тяжело вздохнул и облизал сухие тонкие губы. Молча налил целый стакан минеральной воды и залпом выпил.

- Ты права, конечно, – глухо ответил Игорёк и посмотрел на танцующих. – Василь – нормальный мужик. Он мне десять лет назад сильно помог с мамой. Её оперировали в Германии. Я через Серёгу Франкова с ним связался. Вроде и не сильно дружили в школе, а Василь сразу откликнулся, с жильем помог, деньгами и переводчиком, а потом ещё обратные билеты для нас купил в бизнес-класс. Мама каждый раз за него свечки в церкви ставит.

- Вот! Сделай доброе дело, а иначе я сама расскажу.

- Не надо. – Игорёк помрачнел. – Сейчас Ирка от Василя отлипнет и позову его покурить.

- Молодец! Вообще надо было всем рассказать! А то мы «миндальничаем», а она пользуется, – Ритка ободряюще потрепала Игорька по руке. – Ирку беру на себя, заговорю зубы.

Пятьсот рублей сделали своё дело: вскоре объявили «белый» танец. Ирина тут же, отеснив парочку одноклассниц, пригласила Василия.

Звучала красивая песня. Ещё несколько пар осталось танцевать, а остальные высыпали на улицу «подышать» – благо к вечеру жара спала и, более того, подул прохладный, пахнущий дождём ветер. Василий тоже бы с удовольствием присоединился к ним, но не хотелось обижать Ирину. Он понял, что категорически забыл, когда танцевал в последний раз вот так: тесно прижавшись, ощущая запах кожи и духов, почти слыша удары часто бьющегося сердца. Ирина была гибкой, податливой, пластичной, и к концу композиции Василию захотелось прижать её ещё плотнее и даже поцеловать. Одноклассница, словно почувствовав, вскинула голову и чуть улыбнулась.

- Если хочешь, можем продолжить. Потом, после праздника. – Шепнула она на ухо Василию и добавила. – Просто попьем кофе. У меня он очень хорош.

Василий удивленно вскинул брови, но песня закончилась и они не успели договориться. К Ирине подлетела Ритка:

- Слушай, пять минут удили мне, пожалуйста, – она тут же потянула одноклассницу за собой. – Срочно посоветоваться надо!

Ирка недовольно поморщилась, но Ритку было не остановить. Она почти насильно отвела подругу в конец зала и что-то активно стала рассказывать.

Василий, стряхнув в себя Иркины чары, воспользовался перерывом и вышел на свежий воздух. Небо заметно затянуло темными тучами и вкусно пахло озоном. Вдалеке, за высотными зданиями, горизонт озарился первыми грозowymi всполохами.

- Хорошо стало, свежо, – появившийся рядом Игорёк, протянул сигареты. – Будешь?

- Нет, бросил давно. Здоровья не хватает. И не пью почти. – Василий вздохнул. – Видать, старею.

- А я не могу бросить. Пью и курю, и регулярно впадаю в уныние, – Игорёк нехотя, скорее по привычке прикурил. – Знаешь, я помню добро: и как ты с мамой помог, как юриста хорошего «подогнал», как ещё тогда, в детстве, отбивался вместе со мной от старшеклассников. Нет, не перебивай. Хочу тебя предупредить: Ирка – последняя сволочь, дрянь. Не верь ей.

- Да? – удивился Василий от откровений одноклассника.

- Да, – скупно ответил Игорёк и как-то нервно оглянулся.

К ним, словно почуяв неладное, спешила Ирина. Зло сверкнув глазами на Игорька, она громко сказала:

- Мальчики, быстрее все фотографироваться. Это обязательно

- Почему обязательно?

- Школе нынче семьдесят лет, вот и собирают фотографии со встреч выпускников. Потом коллаж сделают.

Съёмка, танцы, лотерея, разговоры-воспоминания, смех и снова танцы. Ближе к одиннадцати часам некоторые одноклассники стали собираться домой. Ритка, зорко окинув взглядом полупустые столы с остатками еды, подошла к Серёге Франкову с просьбой:

- Не поможешь Игорёху до дома увезти. Его что-то совсем разморило. Вон, на диванчике около шторы лежит, дремлет. Сказал, будто голова немного кружится. Выпил лишка.

- Ритуль, не волнуйся, дотащу. Не в первый раз. Пойдём разбудим и такси вызовем.

Одноклассники подошли к диванчику, на котором, свернувшись калачиком и положив голову на мягкий подлокотник, лежал Игорёк.

- Братан, вставай, домой поедем, – Серёга легонько потряс друга по плечу.

Игорёк не откликнулся. Серёга повторил попытку. Снова безуспешно. Ритка насторожилась, приблизилась к лицу Игоря, а затем резко схватилась за его руку и начала щупать пульс.

- Серёга, он, кажется, умер, – Ритка охнула и зычно крикнула в зал. – Вызывайте скорую! Быстро!

К приезду полиции и скорой помощи одноклассники на нервной почве успели протрезветь. Кто-то сидел в одиночестве, другие сгруппировались по несколько человек, девочки в основном тихо плакали, постоянно шмыгая носами, а Ритка пыталась дозвониться до бывшей жены Игорька.

Молодой уставший белобрысый врач, осмотрев Игорька, констатировал смерть. Худенькая фельдшерица записала в протокол данные умершего и передала их по рации. Дождавшись приезда полицейских и бегло переговорив с ними, медики поспешили на другой вызов.

Василий сидел около стола, вцепившись в стакан с водой, и оцепенело смотрел на Игорька. Как же так? Ведь он же с ним ещё час назад разговаривал, а теперь Игорёк умер. Вокруг было столько друзей, и никто ничего не заметил! Получается, Игорёк умер в полном одиночестве. Ему, наверное, стало плохо с сердцем, а позвать на помощь то ли уже не смог, то ли не захотел.

Полицейские без спешки выполняли свою работу: эксперты занялись телом, а седовласый майор с жёстким взглядом и улыбочивый веснушчатый лейтенант приступили к опросу свидетелей.

«Кто где был? Что пили? Чем занимались? С кем последним общался умерший? Жаловался ли он на здоровье? В каких отношениях Игорь был с одноклассниками?»

Девочек опросили первыми и, взяв паспортные данные, отпустили по домам. Ирка, уже на выходе из ресторана, успела махнуть Василию рукой и показала на телефон: «Будем на связи». Ритка, наконец-то дозвонившаяся до бывшей жены Игорька, заметив этот жест, скривила: «И не стыдно, заразе такой? Интересно, Игорёк успел рассказать или нет?»

А полицейские уже начали задавать вопросы мужчинам...

Антонина не могла уснуть: смотрела в открытое окно на полыхающее грозное небо, ворочалась, недовольно пыхтела и думала.

И зачем она так переживает о Василии, ждёт, когда он откроет входную дверь? Он – совершенно чужой мужчина и имеет право не приходить хоть до самого утра! Тем более и повод у Василия самый что ни на есть замечательный. Вот она, Антонина, на своём последнем вечере выпускников гуляла аж до пяти утра. И никто её не контролировал. Впрочем, никто и не ждал дома. Бывший муж наслаждался новой семейной жизнью в недавно купленной квартирке, дочка с Максимом отдыхали на море, а Зойка после выпускного поехала к себе на дачу. Утром,

после вечера встреч, дома Антонину встретили пробивающиеся сквозь лёгкий тюль нежные лучи летнего солнца, чисто вымытые накануне паркетные полы и красивые напольные часы, мерно отсчитывающие уходящие в небытие секунды. И одиночество.

Около часа ночи началась гроза. Стремительно потянуло горьковатой сыростью. Капли тяжело, с надрывом забились по подоконнику. Антонине стало тревожно, неуютно. Пришлось встать, закрыть окна, оставив только небольшие щели для проветривания. Дождь набирал силу и уже через несколько минут из тяжелых черных туч выливались монотонные потоки воды. На асфальте моментально образовались огромные лужи, которые, блёкло переливаясь под светом дворовых фонарей, превращались в извилистые, словно змеи, реки.

Антонина укуталась в одеяло, вышла на застеклённую лоджию и уткнулась лбом в холодное стекло. Захотелось непременно увидеть, как приедет Василий, выбежит из такси и бегом поспешит в подъезд, к ней, домой.

Антонина вздохнула, отпрянула от окна и усмехнулась. Ага, как же! Бежит Василий к ней, торопится. С одной стороны хорошо, что они встретились: неожиданное приключение, новые эмоции, будто пробуждение от тяжёлого сна. А с другой стороны – как после этого праздника снова вернуться в прежнюю жизнь?

Окончательно растеряв сон, Антонина поплелась в зал и включила телевизор. Укрывшись одеялом, она в полглаза смотрела на экран. Полностью погрузится в романтическую атмосферу фильма не получалось, но выбора особо не было. Постепенно Антонина начала придрёмывать, но услышала осторожное открывание замка на входной двери. Она пошла на цыпочках и выглянула в коридор.

Василий, стараясь не шуметь, открыл дверь. Не включая свет, снял промокшие насквозь туфли. Вот же неприятность – прямо около подъезда не заметил и наступил в огромную лужу. Пиджак тоже отсырел и брюки на коленях неприятно липли к телу. А, ведь, пробыл на улице под ливнем не больше минуты.

Из комнаты показалась сонная Антонина, закутанная в теплое одеяло.

- Ты чего свет не включаешь? Промок?

- А ты чего не спишь? – ответил Василий вопросом на вопрос. Ему не очень-то хотелось общаться. Смерть одноклассника и допрос полиции совершенно выбили из сил.

- Уснуть не могла. Гроза, тревожно как-то было, – вздохнула Антонина и внимательно взглянула на гостя. – Почему такой смурной?

Василий только устало махнул рукой и направился к себе в комнату.

- Чаю хочешь? – неожиданно предложила Антонина. Ей совершенно расхотелось спать. – Сейчас заварю с травами и еще пряники свежие есть. Мятные, ароматные, вечером только купила.

Василий остановился, задумчиво почесал затылок и пожал плечами:

- А давай. Только переоденусь. Варенье есть какое-нибудь?

- Сливовое и смородиновое.

- Пойдет.

Через пятнадцать минут они сидели за кухонным столом и словно супруги, прожившие долгую счастливую жизнь, пили чай с пряниками. Дождь за окном стих и на душе стало спокойнее. Антонина, вместо одеяла накинувшая теплый халат, сильнее приоткрыла окна и в теплый, обжитой воздух кухни, ворвался влажный холодный ветер.

За чаем Василий чуть расслабился. Антонина решила не начинать разговор первой – «созреет» и расскажет сам. Вначале он молча пил крепкий ароматный чай, постоянно цепляя ложкой из банки смородиновое варенье. Затем выдохнул и, оценив деликатность Антонины, стал описывать случившееся на вечере выпускников...

- Дела, – выслушав рассказ, задумчиво протянула Антонина. – Наверное, у Игоря случился сердечный приступ. Так бывает. Может он жаловался на здоровье или жизненные трудности?

- Мы не общались настолько близко, но Игорёк выглядел каким-то унылым, потерянным. Он, вроде, с Риткой близко общался и с Серёгой. Потом позвоню, спрошу. Хотя... – Василий пожал плечами, – к чему теперь эта информация? Игорька не вернёшь.

- Вот она, жизнь человеческая. Живёшь, надеешься на лучшее, а потом – бац, и нету тебя, – Антонина долила чай и грустно улыбнулась. – Мне жаль, что всё так произошло.

- И мне. Очень жаль, – Василий устало потёр глаза. – А если и я внезапно умру? Никто же не застрахован. Как будут жить мои дети? Что станет с производством? Кто возглавит бизнес? Я бился, создавал, «рогами землю рыл», гордился успехами, переживал предательства, строил лучшие в мире здания и много ещё чего. Но оказывается, это – тлен.

- Боишься за будущее, – Антонина понимающе кивнула. – Ничего вечного и, правда, нет. Но не переживай. У тебя прекрасные, талантливые дети, надёжные и умные заместители, чётко отлаженная система работы. Преемника ещё успеешь себе подготовить. Вот, хотя бы, старший сын. Перебесится, перебродит – и станет тебе опорой.

Антонина ободряюще улыбнулась и дружески похлопала Василия ладонью по руке. Тот поднял на женщину глаза и улыбнулся в ответ:

- Правда?

- Даю слово!

- Знаешь, мне нравится с тобой общаться, – Василий накрыл своей ладонью ладонь Антонины и легонько пожал её. – Прямо отпустило. Я к счастью не знаю, что такое депрессия, но сегодня реально поддался панике. Жизнь может закончиться в любую секунду и никакие деньги не помогут. Спасибо тебе.

- Пожалуйста... – Антонина, несколько смутившись, освободила руку и встала из-за стола. – Поздно уже. Тебе, наверное, надо будет ехать в полицию.

- Не думаю, – Василий тоже поднялся. – Лучше помогу организовать похороны Игорька. Значит, ещё день-два погощу у тебя. Не возражаешь?

- Нет, оставайся сколько необходимо, – Антонине не хотелось уходить прямо сейчас, но, как продлить общение, она не знала.

- Значит договорились. Пару дней погощу, – Василий тоже в нерешительности мялся.

- А потом полетишь домой... – грустно добавила Антонина и губы дрогнули в виноватой улыбке. – Прости, я как-то уже по привычке к тебе.

- И я к тебе, – Василий сделал осторожный шаг вперёд, едва коснувшись пальцами её запястий. – Привык. Сам не ожидал.

- Я потом буду очень скучать... – Антонина не отводила взгляда от Василия.

- Потом, – он положил руки на её плечи, тёплые и тяжёлые. – Но сейчас-то я здесь, Антонина смотрела на Василия. Секунда определяет жизнь. Прямо сейчас.

- Пусть будет так, – тихо сказала она.

Василий нежно погладил Антонину по растрёпанным волосам, коснулся ладонью раскрасневшейся щеки, подбородка и, прежде чем развязать плотно запахнутый халат, ещё раз вопросительно взглянул на неё.

- Пусть будет так... – снова прошептала она.

Её слова, словно древнее заклинание, растворились в потоке ускользающего времени. Так было, есть и будет во веки веков. Благословенная история мужчины и женщины, повторяющаяся вновь и вновь...

Антонина открыла глаза. Спальня. Любимые обои в нежно-розовый цветочек. Слепящее солнце, выглядывающее из распахнутого окна. Чуть слышный, мерный ход часов из гостиной.

Валяющаяся на полу ночнушка и сладко посапывающий рядом Василий. Значит, не приснилось...

«Надо встать, сходить в душ, приготовить завтрак» – лениво думала Антонина, но тело отчаянно сопротивлялось подъёму. Телу ещё немного хотелось понежиться в благодатной неге.

Василий, словно почувствовав её колебания, заворочался, зевнул и, приоткрыв глаза, сонно проворчал:

- Рано ещё. Не вставай.

- Вроде как надо... – начала возражать Антонина.

- Не-а, не надо, – перебил Василий, положив руку ей на бедро.

- Но уже утро... – её протест звучал скорее по привычке.

- Значит, у нас полно времени, – Василий скинул одеяло, притягивая Антонину к себе.

- Я же замёрзну без одеяла, – тихо, счастливо рассмеялась Антонина

- Глупости. Сейчас согрею, – Василий крепко обнял её, заурчав от удовольствия. Его ладони скользнули по обнажённой спине. – Сначала руки... потом плечи...

Пока Антонина готовила завтрак, накрывала на стол и кипятила чайник, Василий непрерывно звонил одноклассникам, на работу, детям. И было в этом столько уютной обыденности, что хотелось бесконечного продолжения. Вот так бы всегда.

Антонина пыталась разобраться в ощущениях. Она давно не чувствовала себя настолько лёгкой, обновлённой, почти юной. Словно снова шестнадцать — всё только начинается, и будто не было этих сорока с лишним лет супружества... А Василий — Тот Самый, Первый!

«Второй!» — мысленно усмехнулась Антонина. Ещё вчера утром она не могла представить такого поворота. Со стороны Василия не было ни намёка на ухаживания. Или просто не заметила? Да и что с неё, Антонины, взять — со школьной скамьи рядом только один-единственный мужчина. Опыта в амурных делах — кот наплакал. Но то, что произошло между ней и Василием, перевернуло мировоззрение.

Как сказала бы Зойка: «Наконец-то ты стала настоящей женщиной!»

Быстро перекусив и отхлебнув кофе, Василий начал собираться на встречу с Катериной Сергеевной.

- Ты меня к обеду не жди, — уже в дверях бросил Василий. — Я потом к Серёге заеду насчёт похорон.

- Хорошо, — Антонина уже почти закрыла дверь, когда заметила, что он спешит обратно.

- Подожди! — Василий ворвался в квартиру и, крепко обняв Антонину, смачно поцеловал. — Прости, чуть не забыл главное.

Антонина с радостью ответила на поцелуй. Взглянув на Василия, она увидела перед собой не уставшего, озабоченного делами мужчину, а того самого «юношу пылкого со взором горящим» — будто и ему снова шестнадцать.

Василий махнул рукой на прощание и стремительно сбежал по лестнице. Антонина поторопилась к окну. Увидев, как он сел в такси, еще некоторое постояла, задумчиво глядя вслед отъезжающей машине.

«Конечно, скоро всё закончится. Он уедет и, если будет вспоминать меня, то лишь как приятное командировочное приключение. Ну и пусть! Я даже не рассчитывала на встречу с Василием, а тут такое! В моей обычной, размеренной, тусклой жизни... случилось Событие!»

Антонина медленно отошла от окна. Внезапно решительно встряхнула головой, будто стряхивая с себя груз сомнений.

«Звёзды никогда не отклоняются от своего пути...»

Но её звёзды — отклонились!

Когда закончилась сказка.

Как же Василий любил это ощущение полета – когда всё удается, получается «словно по маслу», само собой, словно кто-то сверху даёт команду: «Вперёд», и зажигает зелёный свет.

Буквально за полчаса удалось обсудить самые важные вопросы с Катериной Сергеевной. Потом они с Серёгой и бывшей женой Игорька съездили на кладбище, а Ритка быстро договорилась со столовой на счёт поминок. Ольга, бывшая жена Игорька, невысокая, худенькая женщина, очень похожая на классическую учительницу, за всё время их поездки не сказала и пары слов. Она молча со всем соглашалась, украдкой вытирала слезы и виновато улыбалась, словно стараясь оправдаться за неожиданную смерть Игорька. Постепенно к организации похорон подтянулись и остальные одноклассники.

Но не смотря на печальные хлопоты у Василия пела душа. Лет тридцать долой! Будто родной город, школьные друзья и неожиданные отношения вдохнули в него новую жизнь.

В начале второго дня позвонила Ирина и уговорила вместе пообедать. Говорила она грустным голосом, вздыхала и отказаться было как-то неловко.

Выбранное Ириной кафе «Сакура», выдержанное в псевдо-японском стиле, мало годилось для сытного насыщения. Не то, чтобы Василий не любил восточную кухню, но сейчас бы с большим удовольствием отведал Тониных голубцов.

Мисочки, тарелочки с едой и непрменные суши уже стояли на столе, а есть не хотелось.

- Я сегодня нашла повод уехать с работы, – печально протянула Ирина, одетая в лёгкий светлый деловой костюм. – Совсем не могла сосредоточиться.

- Ну, да, – вздохнул Василий. – События печальные. А ты в курсе, что у Игорька сын на инвалидности. Какое-то редкое генетическое заболевание. Теперь его бывшая жена в панике – не знает, где взять деньги на лечение. Операцию надо делать за границей.

- Есть же всякие благотворительные фонды, меценаты, специальные программы помощи, – Ирина равнодушно пожала плечами. – Я с одноклассниками почти не общалась. Знаю, что у Игорька, вроде, свой бизнес был, но что-то пошло не так и он почти разорился.

- Понятно, – Василий задумчиво постучал пальцами по столу. – Я ребёнку, конечно, помогу, чем смогу: материально вложусь и найду специальный благотворительный фонд. Надеюсь, всё обойдётся. Слушай, а чего Игорёк развёлся? Жена у него приятная такая, адекватная, воспитанная, горевала и переживала сильно, что бывший муж умер так внезапно.

- Я понятия не имею, почему они развелись. Говорю, мы почти не общались. Кстати, можно всем понемногу скинуться. Деньги вдове всегда пригодятся, – предложила Ирина и тут же поторопилась перевести тему. – Ты когда обратно?

- Думаю, после похорон. Очень много дел накопилось, но я рад был всех повидать. Приятно иногда возвратиться в детство.

- Да, согласна. – Ирина улыбнулась. – Ты теперь к нам снова через двадцать лет приедешь?

- О, я так далеко не загадывал! – рассмеялся Василий. – Как дела пойдут.

- Один летишь домой или с Антониной? – вырвалось у Ирины и она сразу об этом пожалела. Зачем ляпнула? – Хотя, не моё дело, извини.

- Ничего страшного. Я... – Василию не удалось развить мысль – зазвонил телефон. Он быстро глянул. Лиза! А Лиза просто так никогда не звонит.

Василий извинился и вышел на улицу.

- Привет! Прости, я ненадолго, – в голосе бывшей жены звучала тревога. – Мне только что звонили из деканата. Алёша пришёл забирать документы из Университета. Сказал, мол разочаровался в будущей профессии и хочет отчислиться.

- Что?!

- Кирилл Герасимович, его куратор, сразу мне сообщил. Спросил в курсе я или нет. Алёша ничего не говорил?

- Нет, конечно! – возмутился Василий.

- Кирилл пока уговорил его подумать несколько дней, но зная Алёшу... – расстроено протянула Лиза.

- Подожди, я скоро прилечу и разберусь. У нас здесь одноклассник прямо на вечере встречи умер. Похороны уже завтра и я сразу домой, – пояснил Василий. – Не волнуйся, вечером поговорю с Алёшей.

- Ладно, – уныло ответила Лиза и Василий ясно представил, как она нервно ерошит волосы. – Извини, что потревожила. Как переговоришь с Алёшей, позвони мне.

- Обязательно, – пообещал Василий и удручённо покачал головой. Когда же Алёшка уже «перебесится и перебродит», как сказала Тоня? Тоня!

«Надо ехать к ней!» – подумал Василий и сердце приятно откликнулось. Но потом он перевел взгляд на одиноко сидящую за столиком Ирину. «Как-то не хорошо вот так внезапно убегать. Ладно, поболтаю с ней еще минут пятнадцать для приличия».

Скомкано проведя оставшееся время и постоянно поглядывая на часы, Василий сослался на срочные дела, расплатился и, чмокнув на прощание расстроенную одноклассницу, поспешил на улицу. Вызванное такси быстро помчало его Антонине.

Ирина, сложив руки на груди, с ненавистью смотрела в окно на садящегося в машину Василия. Неужели он к этой мымре так торопится? Господи, ну где глаза у мужиков? Она хороша собой, независима, умна и может составить прекрасную партию любому достойному мужчине, а эта Тоня – мышь серая, ни ума ни внешности.

Но Вася уезжал к Антонине и Ирину это бесило...

Коробки, пакеты, узлы, старая обувь, перевязанные стопкой журналы...

Хлам, воспоминания, запах прошлой жизни...

Антонина, в ожидании Василия, решила не грустить, а потратить время с пользой. На глаза попалась антресоль в коридоре. Почему бы и нет? Дочь уже давно уговаривала её ликвидировать всё «старьё». Видимо, пришло время.

Смотря на кучу спущенных с верху вещей, Антонина растерялась. Так много памятных событий связано с ними! Вот в этих босоножках она выходила замуж, а цветастые шторы подарила мама в их первую со Славиком квартиру. Две стопки «Литературной газеты» досталось ещё от деда. Вполне приличный чайный сервиз ей вручили на работе по случаю сорока пятилетия. Неужели выбрасывать?

Разделив спущенные вещи на две кучи: «совсем нужное» и «условно нужное», Антонина решила сделать перерыв.

В деверь позвонили и открыв её, Антонина сразу очутилась в объятиях Василия.

- Подожди, подожди. Ты же не собирался так рано приезжать! – Смеясь, сказала Антонина.

- Ты не рада? – Василий, особо не церемонясь, расстегивал её платье.

- Рада, но обед я не готовила! – Антонина уже стягивала с гостя рубашку.

- Переживу! А что за куча вещей? Ты уезжаешь?

- Выкидываю ненужное.

- Правильно делаешь! Но сейчас тебе необходимо срочно сделать перерыв.

- Ну, если ты так считаешь.

- Я на этом настаиваю...

«Сумасшествие, просто сумасшествие!». Антонина лежала с закрытыми глазами и боялась потревожить момент единения. Почему-то казалось, что всё это скоро закончится, исчезнет. Она слушала дыхание Василия, вдыхала его запах, стараясь запомнить.

- Чего затихла? – шепнул Василий и прижался.

- Просто мне хорошо, – тоже шёпотом ответила Антонина.

- И мне.

- Будто вернулось счастливое прошлое.

- Глупая! – Василий развернул Антонину к себе и, подперев голову рукой, улыбнулся. –

Наступило счастливое настоящее.

- Думаешь?

- Уверен. – Василий наклонился и поцеловал Антонину в губы.

- Знаешь, когда впервые увидела тебя по телевизору, подумала, что ты красишь волосы.

Красивый цвет, необычный, теплый, – Антонина с нежностью погладила Василия по взъерошенным волосам.

Василий перехватил её руку и прижал к губам.

- Цвет, к сожалению, несколько поблёк. Я в институте ходил с шикарной гривой. Помнишь фильм «Элен и ребята»? Под одного из героев косил. Такой свободный художник-архитектор: грива, вельветовые штаны, замшевые, купленные на сэкономленные деньги, рыжие боты и свободный крупной вязки свитер (тётка по выкройке из модного журнала связала).

- Круто! А я ничем особенным не отличалась. Модничать не на что было. Хотя, мама шила хорошо и это очень выручало. А папа всегда подкидывал деньги на джинсы. Но мы с Славиком не унывали. Одно время фарцевали даже. – Антонина перевернулась на живот, обхватив рукой подушку. – Интересно вспоминать. Будто фильм пересказываю.

- Быстро жизнь поменялась. И теперь лежим с тобой, как два «старпёра», и грустим об ушедшей молодости, – ухмыльнулся Василий и погладил Антонину по спине.

- Почему же грустим? Восстанавливаем события в памяти! Полезно, знаешь ли, мозги потренировать, – рассмеялась Антонина.

- Кстати, о памяти. Надеюсь, ты помнишь, что хотела накормить меня обедом? А то съеденные в ресторане суши не впечатлили.

- Помню, помню. – Антонина легко поднялась с кровати и потянулась. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Антонина накинула платье и вышла из комнаты. Василий счастливо улыбнулся и, вытянувшись на кровати во весь рост, начал напевать какую-то детскую песенку.

Они ели на кухне, когда у Василия нервно завибрировал телефон и Антонина сразу поняла – сказка закончилась.

Разговор был на повышенных тонах. Василий побледнел и вышел из кухни. Он вернулся через некоторое время, напряжённо помолчал и произнёс

- Я срочно вылетаю в Киров. – Василий поднял глаза и Антонина поразились переменам – жёсткий взгляд, глубокая складка на переносице, сухой, деловой тон.

- Поняла, – Антонина растерялась.

- Горит мой завод, – пояснил Василий. – Это очень крупное предприятие. Потушить никак не удастся. Чёрт!

Василий, нервничая встал, но затем выдохнул и снова сел.

- Давай посмотрим рейсы на самолёт. – Предложила помощь Антонина. Она принесла ноутбук.

Василий благодарно кивнул и быстро нашёл нужный сайт.

- Ближайший рейс до Москвы через три часа.

- Отлично. Успеваешь. Покупай билеты. – Антонина ободряюще улыбнулась, а сердце билось часто-часто.

Сказка закончилась...

Через три часа Антонина смотрела на небо. Нежные, почти прозрачные облака, приятный теплый ветер и цветущая в летней неге природа. Ничего, что бы могло сорвать внезапный вылет. Василий улетел и, наверное, навсегда.

Они почти ничего не сказали друг другу на прощание. Василий быстро сходил в душ, собрал вещи и вызвал такси. Антонина не мешала, молча наблюдая и уже тоскуя. Зачем пустые слова? И так всё понятно.

Такси приехало непростительно быстро.

Василий тяжело поднялся с кресла и, уже на выходе, крепко обнял сиротливо стоящую у порога Антонину.

- Прости, если что не так, – тихо сказал Василий и виновато улыбнулся.

- Глупый. – Антонина с нежностью провела рукой по его волосам, лицу и осторожно поцеловала в губы. – Всё было прекрасно. Спасибо. Лети. Тебя ждут.

Василий улетел и, наверное, навсегда. Сказка закончилась...

Глава 2.

Преодоление себя или трудности воспитания.

Почти два месяца Василий работал в экстремальном режиме. Уезжал засветло, приезжал затемно, что-то ел, урывками спал, практически не общался с детьми, несколько раз летал в другие города и лично встречался с руководителями предприятий. Новые договоры, трудные переговоры, вынужденные кредиты, бесконечный документооборот и постоянный краткосрочный-долгосрочный анализ.

ЧП на заводе нарушило почти идеальную схему взаимодействия между предприятиями. Большое количество уникального, дорогостоящего оборудования было безнадежно испорчено огнем. Два цеха полностью выгорело. Чудом обошлось без жертв, лишь несколько человек получили травмы, но их по указанию Василия быстро перевезли в столицу и лечили в лучших клиниках.

Василий внутренне сжался словно пружина, приказав организму забыть о болезнях и усталости, сосредоточившись только на самых неотложных делах. У него были толковые заместители, но снова пришлось применять авторитарный стиль руководства. В конечном итоге, это же его империя, а двух царей на троне не бывает.

К середине знойного июля стало немного легче.

В один из дней, прямо посреди очередного рабочего совещания, Василий понял, что катастрофически устал. Устал и готов сию минуту сбежать домой. Быстро свернув оставшиеся доклады, он вызвал водителя Степаныча и скомандовал секретарю Марьяне Сергеевне:

- Всё! Баста! Я домой. Тревожить только в экстренном случае.

Уже из машины обзвонил почти всех детей и назначил вечерний сбор, а затем попросил домработницу Светлану приготовить праздничный ужин.

- Наконец-то! – обрадовалась Светлана. – Не волнуйтесь, Василий Андреевич. Сейчас быстро что-нибудь соображу. Да, кстати, утром звонила ваш кардиолог и просила прийти на обследование.

- Потом, обследование потом! – как всегда легкомысленно отмахнулся Василий. – Сегодня отдыхаем. Соскучился во своим оболтусам, сил нет!

Через два часа в доме воцарилось праздничное столпотворение: пятеро кричащих разновозрастных детей, парочка мило щебечущих бывших жён, мечущаяся от холодильника к плите домработница Светлана, меланхолично ожидающий выгрузку продуктов курьер, пытающийся узнать у шефа планы на вечер водитель Степаныч, по-боевому настроенный к тяжёлому вечеру аниматор и вжавшийся от ужаса в угол дивана пёс Гилька.

Василий никак не управлял воцарившимся безумием. Он спокойно следил за происходящим около окна, а затем присел на диван и притянул к себе ошалевшего бульдога:

- Ну, что, брат? Весело? Да ты так не напрягайся. Сейчас все прокричатся, сядут за стол и станет тихо. – Василий ласково почесал Гильку за ушами и со вздохом добавил, – Правда, ненадолго.

Гилька благодарно лизнул хозяина в лицо и тяжело вздохнул. Василий рассмеялся.

- Наберись терпения. Ещё один отрок не приехал, Лёша. Но от него шума теперь немного, взрослый стал. Зато, много проблем и тревог.

Василий в очередной раз набрал сына. Опять «абонент не доступен». Немного подумав, позвонил Лизе.

- Ты все-таки соизволил позвонить? – нерадостно протянула Лиза и стала выговаривать. – Я же по-человечески просила помочь! Лёша совсем отбил от рук.

- Лиза, ты знаешь, что произошло, – начал объяснять Василий.

- Да, да! Любая производственная проблема важнее проблем сына. Очень знакомо. – Лиза не собралась ничего слушать.

- Прости, я виноват. – Василий огорченно помолчал. – Не могу дозвониться Лёше. Я сегодня всех детей собрал. Соскучился. Думал, и он подъедет, поговорим спокойно.

- Не подъедет, – мрачно ответила Лиза. – Сказал, что должен подумать о жизни и умотал в Индию. Видимо, будет искать просветления.

- А документы из института забрал?

- Пока нет. Замдекана убедил его, что смысл жизни можно искать и не покидая институт.

- Лишь бы не передумал.

- Будем надеяться. – устало вздохнула Лиза. – Извини, что наехала. Вымоталась с Лёшкой. Насколько плохи дела на производстве?

- Сейчас уже почти нормально, но пришлось на время заморозить некоторые проекты.

- Понятно. Если заморозили, то можно и разморозить.

- Вот именно. Хочешь приехать? Сейчас пойдем шашлыки на веранду жарить.

- Не то настроение, прости.

После разговора с бывшей женой Василий сделал ещё одну попытку дозвониться до сына. Тщетно. Оно и понятно – Индия, медитация, поиски себя и просветление.

К полуночи в доме воцарилось относительное спокойствие. Бывшие жёны уехали, старшие дети сидели около костра и по старинке играли в карты, Светлана, загрузив посудомоечную машину, отправилась спать, близнецы, устав носиться по газону, играли в приставку. Гилька наконец-то выполз из своего укрытия и, мерно похрапывая, спал развалившись на кушетке

Василий устало прилег на диван, включил первый попавшийся канал телевизора и начал просматривать сообщения на телефоне. Ничего нового. К счастью. Наткнулся на папку с фотографиями и сразу Тоня. Василий занервничал. Чёрт! Он даже ей ни разу не позвонил! Не позвонил женщине, в которую успел влюбиться. То есть, несколько раз конечно порывался набрать номер. Но вначале не хотел вываливать на Тоню свои глобальные проблемы, да и на столько замотался, что попросту не было сил. А потом не мог придумать предлога. Звонить через две недели и разговаривать будто вчера расстались? Глупо и нелепо. А очень, очень хотелось услышать голос. И ещё больше хотелось обнять и помолчать вместе или пить ночью на кухне чай с пряниками. Просто, обычно, буднично и уютно.

Почему же так нескладно-то? И с Тоней, и с сыном, и с бизнесом?

Помаялся. Решился. Нашёл Тонин номер, но в последнюю минуту глянул на часы. Слишком поздно. У них уже третий час ночи.

Снова открыл фотографии и с удовольствием пересмотрел. Здорово было, тепло, повзрослому. А может и хорошо, что всё так закончилось? Чувства на расстоянии – слишком

сложно и ненадежно. Им уже давно не восемнадцать лет, чтобы совершать безумства, круто менять жизнь, лететь по зову страсти. Сейчас хорошо когда просто спокойно, стабильно.

Василий тяжело вздохнул и отчего-то сразу почувствовал себя старым, уставшим.

Рядом с Тоней он не ощущал возраста. Все случилось само собой, естественно.

«Лёгкий командировочно-курортный роман». Нет. Василий ещё больше нахмурился. Пошлое вышло сравнение. Тоня такого не заслуживает.

Но почему она сама не позвонила? Тоже бы могла набрать номер, поинтересоваться, как дела. Василий подумал и понял – не решилась. Тактичная, спокойная и нежная. Василию стало искренне жаль, что Тони нет рядом.

ТЬфу, прямо подростковые переживания.

И теперь ничего не изменить, не сделать звонок в прошлое, не сказать нужные, меняющие судьбу слова и не совершить один единственный нужный поступок.

Слишком поздно...